

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

660018

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1869

НОЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ УЧРЕЖДЕНІЯ ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРСТВЪ ВЪ РОССІИ. Гл. I—VII. А. Д. Градовскаго.
- II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ. Г. Де-Моливари.
- III. КЪ БЮГРАФИИ ПУШКИНА. Выдержки изъ записной книжки. М. И. Семевскаго.
- IV. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II (1762—1769). А. Н. Кудомзина.
- V. ПОЛЬСКІЕ АГЕНТЫ ВЪ ЦАРЪГРАДѢ. Гл. III—IV. В. И. Кельсіева.
- VI. ГРИБНОЙ ДОЖДЬ И ЛИВЕНЬ. Разказъ. С. В. Танѣева.
- VII. СЁОГУНЫ И МИКАДО. Историческій очеркъ по японскимъ источникамъ. Геромонаха Николая.
- VIII. ПАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Часть третья. Гл. XVII—XXXI. В. В. Крестовскаго.
- IX. ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА БОТКИНА. 16 ОКТЯБРЯ. Стихотвореніе. А. А. Фета.
- X. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Р.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- БУЛГАМПТОНСКІЙ ВИКАРІЙ. Романъ. Соч. Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. XVII—XXII.
- ВОКРУГЪ ЛУНЫ. Разказъ Жюль Верна. Переводъ съ французскаго. Гл. I—V.

СЁОГУНЫ И МИКАДО*

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПО ЯПОНСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

У одного князька въ провинціи Овари, Ода Нобухиде, въ числѣ 16ти сыновей, былъ одинъ, по имени Нобунага. Съ самаго дѣтства онъ отличался отъ другихъ, повидимому, далеко не въ свою пользу: воспитатели никакъ не могли подвести его размашистую и своеобразную натуру подъ мѣрку общепринятыхъ приличій; ему ничего не стоило, напримѣръ, идя по улицѣ, грызть конфеты, или что случится у него въ карманѣ, или идти облокотясь на плечо кого-нибудь изъ пріятелей; о платьѣ онъ также мало заботился какъ и о другихъ мелочахъ; словомъ, былъ то, что у насъ называется „оригиналъ“. И у насъ это названіе не составляетъ лестной рекомендаціи, тѣмъ болѣе это въ Японіи, гдѣ мелочнымъ условіямъ свѣтскости придается особенная важность.

Поэтому неудивительно что на молодого Нобунага смотрѣли мало знавшіе его просто какъ на человѣка обиженнаго природой. Но отецъ зналъ его лучше: сквозь небрежность вѣншихъ поступковъ онъ провидѣлъ въ немъ обширный умъ, желѣзную волю и предъ смертію не усомнился сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ, несмотря на то что онъ былъ сынъ наложницы, и притомъ второй. И Нобунага не замедлилъ показать что отецъ не ошибся въ выборѣ.

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 11.

Пользуясь разными предлогами чтобъ завести войну съ сосѣдями, онъ мало-по-малу овладѣлъ всѣмъ Овари. Оставался одинъ округъ; но этотъ округъ принадлежалъ Имагава Иосимото, одному изъ сильнѣйшихъ въ то время князей, владѣтелю провинцій Сурунга, Тоутومی и Мукава. Для Нобунага, съ его какимъ-нибудь трехтысячнымъ войскомъ, было, повидимому, неслыханною дерзостью затрогивать въ двадцать разъ сильнѣйшаго сосѣда; но онъ не задумался, и сталъ забирать одну за другою крѣпости принадлежавшія Иосимото. Послѣдній почти не обратилъ на это вниманія, тѣмъ болѣе что скоро Нобунага остановленъ былъ предъ одною крѣпостію и, послѣ тщетныхъ усилій взять ее, долженъ былъ снять осаду и вернуться домой. Комендантъ крѣпости, по имени Тобе, былъ тоже одинъ изъ героевъ. Но кого нельзя было одолѣть силою, противъ того у Нобунага былъ неистощимый запасъ хитрости. Нобунага велѣлъ одному изъ своихъ писарей выучиться поддѣлываться подъ руку Тобе, писавшаго замѣчательно хорошо. Цѣлый годъ писарь учился, и наконецъ письмо было написано такъ какъ написалъ бы только самъ Тобе; а содержаніемъ письма, адресованнаго какъ будто къ Нобунага, была измѣна Тобе своему владѣльцу и переходъ на сторону Ода. Одинъ изъ офицеровъ Нобунага, переодѣвшись купцомъ, отнесъ это письмо къ Иосимото, и навинный Тобе безъ всякаго суда былъ казненъ. Скоро Иосимото узналъ что былъ обманутъ, удивился дерзости Нобунага и возненавидѣлъ его болѣе прежняго; но онъ все еще до того презиралъ ничтожнаго, по его мнѣнію, противника, что не думалъ имѣть съ нимъ серіознаго дѣла; только когда задумалъ идти въ Міяко, разчитывая, какъ и многіе тогда разчитывали, на сёогунскій престолъ, предположилъ мимоходомъ захватить Овари, чрезъ которое ему лежалъ путь.

И вотъ онъ, во главѣ 45тысячной арміи, ступилъ на земли Нобунага. Крѣпостцы воздвигнутыя Нобунага падали одна за другою, несмотря на геройскую защиту: онъ были снабжены слишкомъ малымъ количествомъ войскъ противъ полковъ Иосимото, привыкшихъ къ побѣдамъ. Свободнаго войска у Нобунага было всего три тысячи. Его офицеры, уже прославившіеся отвагой и мужествомъ въ бояхъ, истощали краснорѣчіе чтобъ убѣдить его покориться на этотъ разъ сильному врагу; но Нобунага оставался непреклоннымъ. Въ тотъ день,

когда онъ предположилъ вести свои три тысячи въ битву, онъ задалъ своему штабу пиръ; когда чаша нѣсколько разъ обошла пировавшихъ, воодушевленный Нобунага всталъ и протанцовалъ предъ собраніемъ, напѣвая древнюю пѣсню о томъ что жизнь человѣческая—сонъ, привидѣніе, что она и смерть неразлучны, но герой—„долженъ ли сокрушаться изъ-за этого?“ Съ этими словами онъ быстро оставилъ пиршествяную залу, вскочилъ на лошадь и, не оглядываясь, помчался на враговъ, сопровождаемый своими воинами. Когда приблизились къ непріятелямъ и увидѣли въ огнѣ только что взятая двѣ крѣпости, воины Нобунага опять оробѣли и стали умолять его вернуться. „Слушайте меня!“ громко и грозно крикнулъ онъ; „развѣ я съ ума соедши веду васъ? Непрѣятели цѣлую ночь складывали подвезенный провіантъ, всѣ устали и еще не успѣли придти въ порядокъ; въ настоящую минуту больше чѣмъ когда вѣрнѣ успѣхъ!“ Былъ громъ, дождь и сумракъ. Незамѣтно для непріятелей, Нобунага спустился съ горы и съ внезапнымъ крикомъ и барабаннымъ боемъ ударилъ на лагерь Іосимото. Пораженные неожиданностью, непріятели не успѣли опомниться, какъ отважившіе изъ воиновъ Нобунага ворвались въ палатку самого Іосимото, отрубили ему голову и, воткнувъ на мечъ, съ побѣдными кликами понесли ее по лагерю; тогда для войскъ Іосимото настала минута всеобщаго смятенія и бѣгства; отрубленныхъ головъ была бездна. Съ триумфомъ, съ предносимою головой Іосимото, Нобунага вернулся домой, при огромномъ стеченіи народа, смотрѣвшаго на него уже какъ на героя.

Слава о немъ понеслась по всей Японіи. Разбитіе Имагава еще не значило чтобы Нобунага достались обширныя ихъ владѣнія; напротивъ, ему теперь еще болѣе чѣмъ прежде слѣдовало опасаться за свои собственныя: вмѣсто разбитой арміи, противъ него могли выставить въ скоромъ времени вдвое сильнѣйшую; не было еще недостатка у непріятелей и въ искусныхъ вождяхъ; что же касается до наслѣдника Іосимото, то онъ долженъ былъ пылать мщеніемъ за смерть отца и посрамленіе своей фамиліи, и идти противъ Нобунага уже не во имя расширенія своихъ границъ, но во имя священнаго долга, предписываемаго, по понятію Японцевъ, всѣми законами неба и земли: отмстить кровь отца и успокоить его духъ, мятежно блуждающій и

стонущій въ ожиданіи крови своего врага. Но молодому Имагава нравилась больше игра въ воланъ, въ которой онъ не имѣлъ себѣ достойныхъ соперниковъ, чѣмъ въ человѣческія головы; его избѣженный слухъ не любилъ грубыхъ военныхъ кликовъ, а еще болѣе нѣжное сердце не могло промѣнять полные красавицъ дворцы на военный лагерь. Все это Нобунага принималъ въ расчетъ и, успокоивъ, на сколько возможно, оскорбленнаго князя отправленіемъ къ нему съ честью головы его отца, на время пересталъ и думать объ опасности съ этой стороны. Гораздо больше беспокоилъ его союзникъ Имагава, молодой Токугава Іеясу: онъ, до сего времени все еще проживавшій у Іосимото въ качествѣ заложника, участвовалъ въ войнѣ противъ Нобунага, во главѣ собственнаго отряда, и тоже былъ разбитъ и прогнанъ; но онъ не замедлил оправиться. Развязанный смертію Іосимото отъ обязательствъ, онъ прибылъ теперь въ свое княжество, принялъ въ свои руки правленіе, привелъ въ порядокъ войска и сталъ тревожить Нобунага. Послѣдній успѣлъ оцѣнить отвагу и таланты своего молодого соперника и, пока вражда его не разрослась, поспѣшилъ помириться съ нимъ и предложить тѣсный союзъ. Іеясу, начавшій враждебныя отношенія къ Нобунага изъ-за прежняго своего покровителя, а лично не имѣвшій противъ него ничего, не уклонился отъ выгоднаго предложенія. При нарочно устроенномъ личномъ свиданіи, два князя поклялись жить въ дружбѣ и дѣйствовать съ этого времени заодно, съ тѣмъ условіемъ, что если Нобунага овладѣетъ Японіей, то чтобы Іеясу подчинился ему; если же Іеясу болѣе посчастливится, то чтобы Нобунага безпрекословно отдался подъ его власть.

Этимъ союзомъ Нобунага обезпечилъ себя со стороны востока, предоставивъ Іеясу расширять свои владѣнія въ этомъ направленіи; самъ же обратилъ вниманіе исключительно на западъ. Не нужно забывать что будущій обладатель Японіи, такъ самонадѣянно разграничивавшій ее на картѣ съ своимъ другомъ, на самомъ дѣлѣ владѣлъ въ это время всего одною провинціей. Ему слѣдовало теперь начать со своего тестя Сайтоу Хидетацу, владѣтеля пограничной большой области Мино. Значительное неравенство силъ и здѣсь было не въ пользу Нобунага, но онъ и здѣсь объ этомъ мало думалъ; его больше всего беспокоили два генерала Сайтоу, извѣстные своею храбростію, талантами и преданностію

дому князя, и онъ опять употребилъ хитрость для истребленія ихъ. Хитрость на этотъ разъ состояла въ слѣдующемъ: по ночамъ онъ сталъ какъ можно чаще вставать и выходить на крыльцо; жена его, дочь Хидетацу, мучимая любопытствомъ, пристала къ нему съ распросами о значеніи этого: онъ долго отказывался повѣрить ей тайну, наконецъ, какъ будто не выдержавъ, рассказалъ подъ строгимъ секретомъ что такіе-то генералы Сайтоу предприняли, по соглашенію съ нимъ, извести тестя и обѣщались, по окончаніи дѣла, дать ему знать зажженіемъ костра. Жена, какъ онъ и ожидалъ, тотчасъ же тайно извѣстила объ этомъ отца, и ни въ чемъ неповинные генералы были казнены. Скоро послѣ этого Хидетацу былъ убитъ своимъ сыномъ: это, сверхъ чаянія, дало Нобунага самый благовидный предлогъ начать войну, подъ видомъ мщенія за тестя; дурное правленіе послѣднихъ Сайтоу ускорило развязку, оттолкнувъ отъ нихъ сердца ихъ подданныхъ, и Нобунага безъ особеннаго труда овладѣлъ всѣмъ Мино. Въ это время однажды принесли ему въ подарокъ двухъ молодыхъ соколовъ; онъ возвратилъ подарокъ, примолвивъ: „некогда мнѣ теперь заниматься охотой; завоевавъ всю Японию, я приму ихъ; это еще не будетъ „поздно“. Такова была вѣра его въ свои таланты и въ свое призваніе, несмотря на то что его замыслы все еще могли казаться для всѣхъ не болѣе какъ самохвальствомъ и дерзостію, въ виду множества другихъ князей, вчетверо, впятеро сильнѣйшихъ его по матеріальнымъ средствамъ и столько же какъ онъ воинственныхъ и властолюбивыхъ.

Неожиданный случай какъ нельзя лучше помогъ быстрому развитію его плановъ. Въ это время сѣогуны дошли до послѣдней степени слабости и уничтоженія; при неоспоримости ихъ титула, на который еще никто не посягалъ, да и не думалъ посягать,—до того опомлилось это званіе,—у нихъ не осталось и тѣни власти: ея безусловно завладѣла фамилія Міѣси. Міѣси только что убили не правившагося имъ сѣогуна Іоситеру, чтобъ отдать сѣогунское званіе нѣкому Асикага Іосицугуе. Два брата Іоситеру, имѣвшіе ближайшее право на престолъ, тоже обречены были на смерть; но одинъ изъ нихъ, Іосіаки, успѣлъ бѣжать. Переходя отъ князя къ князю, онъ искалъ себѣ защиты; но никто не хотѣлъ начинать ссору съ сильными Міѣси, озаботившимися расположить множество князей

въ свою пользу. Иосіаки услышалъ наконецъ о Нобунага и погадалъ: хорошо ли вручить ему свое дѣло? Вышло: хорошо, и Иосіаки отправился къ нему. Нобунага было это какъ нельзя болѣе на руку. Сёогунъ все еще былъ, хотя номинальнымъ, но неоспоримымъ владѣльцемъ всей Японіи. Съ нимъ во главѣ, собственное дѣло Нобунага въ первый разъ становилось на твердую почву. Сливая свое дѣло съ дѣломъ Иосіаки, Нобунага могъ, подъ предлогомъ возвращенія утраченной власти, во имя самой законной причины, вступить въ борьбу со всякимъ кто отказалъ бы Иосіаки и, слѣдовательно, ему самому въ повиновеніи. Понятно, что Нобунага принялъ Иосіаки со всевозможнымъ почетомъ и взялся защищать его дѣло съ непритворною радостію. На вопросъ Иосіаки: „какой планъ дѣйствій онъ предприметь?“ Нобунага почтительно отвѣчалъ: „это ужь дѣло Нобунага; живите спокойно, а Нобунага не пройдетъ двухъ мѣсяцевъ какъ завоюетъ для васъ Міяко“.

Собравъ вождей, онъ велѣлъ имъ приготовить войска и ждать его приказаній, а самъ съ небольшимъ отрядомъ отправился на границу своихъ владѣній и Ооми, уговаривать Роккоку Иосиката, — владѣнія котораго въ Ооми лежали на дорогѣ въ Міяко, — обратиться къ своему долгу повиновенія сёогуну и способствовать возвращенію его въ столицу. Но Иосиката уже былъ на сторонѣ Міёси. Три раза Нобунага безуспѣшно отправлялъ къ нему пословъ; затѣмъ вернулся домой, взялъ войско и въ три дня забралъ въ Ооми 18 крѣпостей. Міёси бѣжали изъ столицы, и Нобунага безпрепятственно занялъ ее: все это сдѣлалось въ 12 дней съ тѣхъ поръ какъ онъ вышелъ съ войскомъ изъ Мино. Жители Міяко, наслышавшись о крутости нрава Нобунага, разбѣжались; но страхъ былъ напрасный. Войскамъ былъ отданъ строгій приказъ не трогать ни волоска чужаго; одинъ изъ военачальниковъ назначенъ былъ исключительно для обходовъ по городу и наблюденія чтобъ солдаты никого не обижали; одинъ солдатъ заспорилъ съ купцомъ о цѣнѣ какой-то мелочи, и этого уже довольно было чтобъ его привязали на многолюдной улицѣ къ столбу, на позоръ всѣмъ. Жители, видя все это, вернулись по домамъ, и спокойствіе и порядокъ, лучшіе чѣмъ когда-либо, водворились въ столицѣ. Нобунага между тѣмъ пустился преслѣдовать враговъ сёогуна,

и разогнавъ ихъ по отдаленнымъ провинціямъ, вернулся въ Міяко и отпрапортовалъ Іосіаки, уже привезенному туда и водворенному въ сѣогунскомъ дворцѣ, о своихъ побѣдахъ. Іосіаки не зналъ чѣмъ достойно возблагодарить своего великодушнаго защитника, предлагалъ ему на выборъ лучшія вотчины изъ тѣхъ которыми теперь, по милости его, могъ располагать, но Нобунага отказался, прося, вмѣсто того, награждать отличившихся офицеровъ. Іосіаки наконецъ придумалъ написать ему письмо, въ которомъ назвалъ его своимъ *отцомъ*.

Устроивъ положеніе сѣогуна и взявъ на себя и въ будущемъ оберегать его и завѣдывать всею матеріальною обстановкой его, Нобунага взялъ и съ него слово заниматься дѣлами, оставилъ при немъ нѣсколько своихъ офицеровъ и, какъ будто исполнивъ лишь свой долгъ, вернулся въ свою резиденцію (Гифу) въ Мино, будучи увѣренъ что теперь въ центрѣ Японіи уже не обойдутся безъ него. Дѣйствительно, лишь только онъ вернулся домой, какъ Іосіаки снова былъ осажденъ своими противниками. Нобунага опять поспѣшилъ на выручку его и опять быстро разсѣялъ враговъ. На этотъ разъ онъ не вернулся тотчасъ же домой, а занялся наказаніемъ и приведеніемъ къ покорности окрестныхъ князей, не доставлявшихъ предписанной дани сѣогуну, или помогавшихъ его врагамъ. Успѣхъ вѣнчалъ его оружіе куда бы онъ ни обращался; непокорные смирялись предъ именемъ сѣогуна, и послѣдній, повидимому, долженъ былъ болѣе и болѣе проникаться благодарностію къ своему защитнику. Но Іосіаки, какъ ни былъ недалеко, успѣлъ, однако, разгадать смыслъ опеки подъ которую попалъ: она была еще стѣснительнѣе той какую имѣли надъ сѣогунами Міѣси; послѣдніе, по крайней мѣрѣ, не принуждали сѣогуновъ ходить по стрункѣ и заниматься скучными дѣлами правленія. А этотъ строгій и неумолимый Нобунага не позволяетъ ни полѣниться, ни побездѣльничать. Судите сами по слѣдующему укоризненному письму его: „Сѣогунъ обѣщался прилежно заниматься дѣлами правленія, когда шелъ въ Міяко, а теперь измѣняетъ своему обѣщанію; наказаніе неба не преминетъ постигнуть его, и Нобунага втайнѣ опасается за него; онъ окружаетъ себя льстецами, а честныхъ слугъ гонитъ; его любимцы тѣснятъ народъ, за взятки несправедливо судятъ, подъ предлогомъ сборовъ на

визанъ и другое подобное грабятъ народъ; торгуютъ милостями. Когда императоръ хотѣлъ перемѣнить названіе года, сёогуны не позволили, пожалѣвъ расходъ на праздникъ. Народъ уже ненавидитъ его; Нобунага стыдится втайнѣ за сёогуна. Военные, копируя сёогуна, жадничаютъ въ деньгахъ, не заботясь о военныхъ припасахъ. Нобунага окружилъ его вѣрными изъ своихъ слугъ, а сёогуны всѣхъ ихъ ограбилъ, отнявъ вотчины безъ вины, такъ что они жалуются, и Нобунага не знаетъ какими глазами смотрѣть на нихъ. Въ настоящее время сёогуны собираютъ деньги и лошадей, между тѣмъ какъ Нобунага взялся самъ снабжать его всѣмъ что только потребуется, и желаніе Нобунага лишь одно, чтобы быть заодно съ сёогуномъ и возстановить государственныя порядки. Просить теперь Нобунага сёогуна не слушать клеветниковъ, удалить льстецовъ, покровительствовать честнымъ слугамъ, заниматься дѣлами правленія, не пренебрегать и учеными людьми.“ Очевидно что подобныя посланія, полныя весьма справедливыхъ укоровъ, могли не вразумить неисправимаго Юсиаки,—понимавшаго очень хорошо что хотя бы онъ и велъ себя безукоризненно, то все равно плясалъ бы лишь подъ чужую дудку, — а скорѣе ожесточить и побудить къ какимъ-либо еще большимъ безразсудствамъ. На послѣднее, быть-можетъ, и разчитывалъ Нобунага, чтобъ имѣть основательный предлогъ выбросить за бортъ ненужный балластъ: но для этого пока еще не пришло время, и Нобунага продолжалъ наружно оказывать сёогуны всѣ знаки вѣрноподданской преданности. Да и могъ ли онъ поступить иначе? Посмотрите какая буря поднялась противъ него со всѣхъ сторонъ еще только по подозрѣнію что онъ мѣтитъ въ сёогуны. Если Юсиаки понялъ намѣренія Нобунага и возненавидѣлъ его за нихъ, то тѣмъ лучше могли понять ихъ люди болѣе умные чѣмъ онъ, и многіе притомъ сами не чуждые тѣхъ же замысловъ какіе питалъ Нобунага. И вотъ поднялось страшное движеніе: многіе князья забыли взаимную вражду и подали другъ другу руку для совокупной брани противъ общаго врага. Кенсинъ и Сингенъ, Нагамаса и Юсиканге, сильные и воинственные, объявили себя врагами Нобунага на жизнь и смерть. Даже бонзы, которыхъ онъ имѣлъ неосторожность раздражить отнятіемъ у нихъ одной горы подъ крѣпость, выставили противъ него огромныя, неистощимыя арміи. Тутъ-то настала для

Нобунага пора полной дѣятельности и широкаго размета силъ. Туда онъ бросался какъ левъ и опрокидывалъ противниковъ, здѣсь заискивалъ дружбы и брачнаго союза чтобы хоть на нѣсколько недѣль разрознить враговъ. И нигдѣ ни разу геній его не измѣнилъ ему. По мѣрѣ своихъ успѣховъ съ князьями, онъ измѣнялъ и свои отношенія къ сѣогуу. Іосіаки, наконецъ, открыто позвалъ трехъ самыхъ сильныхъ въ Японіи князей противъ Нобунага; послѣдній и на этотъ разъ не хотѣлъ измѣнить личины покорности и послалъ просить мира; но когда Іосіаки заносчиво отвергнулъ просьбу, Нобунага вымолвилъ: „мнѣ, наконецъ, невозможно обойтись съ нимъ безъ войска,“ и быстрымъ натискомъ отнялъ крѣпости у сѣогуна, вошелъ въ Міяко и обложилъ сѣогунскій дворецъ. Іосіаки ничего не оставалось сдѣлать какъ выслать сказать ему что „съ этихъ поръ онъ во всемъ безпрекословно станетъ слушаться своего нареченнаго отца“. Нобунага извинился предъ сѣогуномъ, снялъ осаду и удалился; но у него уже былъ разчитанъ послѣдній ударъ фамиліи Асикага: онъ предвидѣлъ что Іосіаки опять вооружится, предугадывалъ даже планъ будущаго возстанія и, сообразуясь съ нимъ, велѣлъ одному изъ своихъ генераловъ заготовить суда. Дѣйствительно, Іосіаки не замедлилъ возстать, и Нобунага опять съ такою быстротою явился въ Міяко, что народъ въ недоумѣніи спрашивалъ: „Не на крыльяхъ ли онъ летаетъ?“ На этотъ разъ сѣогуу уже не было пощады: онъ былъ заключенъ подъ стражу, и съ тѣмъ вмѣстѣ роль фамиліи Асикага, какъ сѣогуновъ, навсегда кончилась. Ее замѣнила фамилія Ода, хотя Нобунага никакъ не соглашался принять отъ микадо званіе сѣогуна, по виду, какъ будто изъ скромности, но въ сущности, гнушаясь этимъ званіемъ какъ до крайности униженнымъ.

Въ слѣдующій (1574) новый годъ съ поздравленіемъ къ Нобунага, такъ къ своему повелителю, собралось отовсюду множество владѣтельныхъ князей. Когда выпито было по три чаши вина, Нобунага сказалъ: „У меня есть прекрасная закуска; я попрошу васъ выпить съ ней, и велѣлъ принести что-то. Всѣ смотрѣли что будетъ. Привнесенъ былъ ящикъ, и въ немъ оказались позолоченныя головы Іосиканге и Нагамаса, сильнѣйшихъ изъ враговъ Нобунага, предъ тѣмъ только что доведенныхъ до самоубійства. Всѣ засмѣялись и промолвили: „Какъ не выпить съ такою закускою!“ Одушев-

ленною рѣчью Нобунага благодарилъ гостей за труды для него, при помощи которыхъ онъ надѣется скоро справиться и съ остальными своими врагами и объединить Японію. Дѣйствительно, теперь враговъ у Нобунага стало немного; главные изъ нихъ были: Такеда и Нагао; но первая фамилія уже была не страшна, такъ какъ Сингена не было въ живыхъ, а его сынъ далеко не имѣлъ полководческихъ качествъ своего отца, хотя и былъ храбръ и неутомимъ; притомъ же между нимъ и Нобунага стояла крѣпкая стѣна—Иеясу, владѣнія котораго примыкали къ провинціи Каи, и Нобунага оставалось только отъ времени до времени помогать ему. Къ Нагао Кенсину Нобунага все еще относился съ заискиваніемъ и тѣмъ успѣвалъ хоть нѣсколько развлекать и задерживать этого страшнаго врага. Между тѣмъ съ юга непріязненно высматривалъ Мори Терумото, со страшною силой своихъ тринадцати провинцій; но онъ пока еще не выступалъ открыто. Наконецъ, противъ Нобунага враждовали еще бонзы, самые беспокойные изъ всѣхъ враговъ. Чтобы показать что эти враги были вовсе не шуточные, приведемъ нѣсколько фактовъ. Еще прежде они страшными скопищами держались на горѣ Эйзанъ, недалеко отъ Міяко, и въ другихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ, отвергали всѣ мирныя предложенія Нобунага, смѣялись надъ его угрозами и дѣятельно помогали его врагамъ. Нобунага, улучивъ время, захотѣлъ привести въ исполненіе свою угрозу — выжечь Эйзанъ и перебить тамъ всѣхъ бонзъ, и отрядилъ для этого военачальниковъ. Но послѣдніе поблѣднѣли при этомъ порученіи. „Императоръ Квамму построилъ храмъ на этой горѣ, и вотъ ужъ 1000 лѣтъ какъ онъ служитъ охраной столицѣ, и никто никогда не оскорблялъ этого мѣста; а теперь внести туда огонь и мечъ! Какъ же это?“ возражали они. Но съ Нобунага трудно было спорить; онъ разразился жалобами и гнѣвомъ: „онъ не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью; не щадитъ себя чтобъ уничтожить враговъ отечества; прежде онъ неоднократно просилъ помощи у бонзъ, но они всегда отвѣчали презрѣніемъ на его просьбы, помогали, напротивъ того, его врагамъ,—не враги ли они отечества? И не бременяютъ ли они отечество? Кроме того, они вѣдаютъ запрещенное, держатъ валожицъ, забросили молитвенники,—какіе же они хранители императорской резиденціи?... Окружите и жгите, чтобъ и остатковъ ихъ не было!“ заключилъ онъ гнѣвную

реплику. И вожди буквально исполнили его приказъ: главный храмъ и 21 другихъ кумирень были сожжены до тла; бонзы, женщины, не разбирая ни старыхъ, ни малыхъ, кто захваченъ на горѣ, всѣ перебиты. Но этотъ урокъ нисколько не вразумилъ строптивыхъ поклонниковъ будды; они заняли и укрѣпили множество другихъ мѣстъ и продолжали наносить Нобунага всевозможный вредъ. Изъ своей крѣпкой позиціи въ Нагасима, они сносились съ фамиліей Такеда и дѣятельно помогали ей. Нобунага видѣлъ необходимость разорить, наконецъ, и это гнѣздо мятежниковъ. „Уже много моихъ лучшихъ людей истребили разбойники изъ Нагасима; разорю же я это ненавистное гнѣздо“, рѣшилъ онъ, и двинулся самъ съ огромнымъ войскомъ противъ Нагасима. По взятіи одной второстепенной крѣпости, было убито 2000 мужчинъ и женщинъ, отрѣзаны у нихъ уши и носы и на лодкѣ препровождены въ Нагасима. Вслѣдъ за тѣмъ подступилъ къ Нагасима и Нобунага и, послѣ страшнаго кровопролитія, въ которомъ потеряли жизнь даже нѣсколько близкихъ родныхъ его, овладѣвъ городомъ, сжегъ живо 20 тысячъ мужчинъ и женщинъ, такъ что запахъ гари заражалъ воздухъ на десятки миль. Но даже и это не образумило бонзъ. Успѣвшіе бѣжать изъ Нагасима приняты были въ Оосакской крѣпости, принадлежавшей также бонзамъ и сдѣлавшейся съ этого времени главнымъ гнѣздомъ ихъ; и долго они беспокоили Нобунага, поддерживаемые непокорными князьями и, въ свою очередь, поддерживая ихъ, много разъ прося пощады и, при удобныхъ случаяхъ, снова поднимая знамя бунта, пока не были, наконецъ, частію перебиты, а частію утовлены до очевидной невозможности противиться.

Безъ устали дѣйствуя противъ враговъ оружіемъ и болѣе и болѣе истощая ихъ, Нобунага въ то же время заботился о восстановленіи потрясенныхъ до основанія государственныхъ порядковъ и о возвращеніи странъ мира и благоденствія, которыхъ она не видала уже сотни лѣтъ. Что касается до удѣльной системы, то она такъ глубоко укоренилась въ японской почвѣ, что Нобунага и въ голову не приходило уничтожить ее; онъ только хотѣлъ измѣнить ея наружную оболочку. Онъ задался задачею: уничтожить всѣхъ старыхъ удѣльныхъ князей и, вмѣсто ихъ, создать княжескіе роды изъ своихъ полководцевъ, друзей и помощниковъ. Эта

задача естественно вытекала изъ его главной задачи: въ то время какъ всѣ дрались одинъ съ другимъ, онъ предпринялъ драться со всеми, и уже почти всѣхъ одолѣлъ. Въ теченіе этой борьбы, нѣкоторые князья успѣли въ-время перейти на его сторону и тѣмъ обезпечили продолженіе своихъ родовъ; всѣ же прочіе или истреблены въ конецъ, или загнаны въ толпу народа, лишенные титуловъ и владѣній. На мѣсто угасшихъ такимъ образомъ родовъ, естественно, должны были возникнуть новые; и вотъ сподвижники Нобунага стали стѣною вокругъ него, возведенные имъ въ достоинство удѣльныхъ владѣльцевъ; онъ щедрою рукою раздавалъ имъ отвоєванныя провинціи, не справляясь съ ихъ родословною, а руководясь лишь справедливою оцѣнкой ихъ талантовъ и заслугъ. Обязанности удѣльныхъ князей въ общихъ чертахъ остались тѣ же какія были прежде; только теперь эти обязанности перешли изъ теоріи въ самое строгое исполненіе. Князья должны были содержать войска и имѣть ихъ всегда наготовѣ чтобы дѣйствовать по указанію Нобунага; мы видимъ, напримѣръ, что Сакума, одинъ изъ лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ его сподвижниковъ въ первое время, за кратковременное небреженіе въ исполненіи этой обязанности, получилъ отъ него такой строгій выговоръ что, въ страхѣ, вмѣстѣ съ сыномъ, обрилъ голову и ушелъ въ монастырь. Въ мирные дни князья должны были заниматься обученіемъ войскъ и своимъ собственнымъ образованіемъ, а не тратить время на пустыя забавы; должны были имѣть обильные военные запасы, а не издерживаться на затѣи роскоши; въ отношеніи къ народу — быть строго справедливыми и заботливыми о его спокойствіи и благѣ, а не оставаться прежними деспотами, или безпечными правителями. И все это строго исполнялось. Зоркій глазъ Нобунага проникалъ всюду, видѣлъ всѣ злоупотребленія и беспощадно каралъ ихъ. Вздохнулъ свободно, наконецъ, и народъ; настало для него время безмятежья и безопасности; путешественникъ могъ спокойно заснуть подъ тѣнью перваго попавшагося дерева, отбросивъ далеко отъ себя кошелекъ съ деньгами; потерявшій дорожную вещь могъ вернуться и найти ее на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ она упала: всякій боялся коснуться чужой собственности, не только воспользоваться ею; всѣ знали строгій уголовный кодексъ Нобунага, опредѣлявшій смертную казнь за копѣечную покражу или утайку чужаго. Мирныя занятія народа процвѣ-

тали; югъ съ сѣверомъ, востокъ съ западомъ стали взаимно мѣняться своими произведеніями, чего давно уже не было...

Счастіе видимо благоприятствовало Нобунага: самый страшный врагъ его, Кенсинъ, умеръ, лишь только поднявшись противъ него. Теперь у него остался одинъ сильный противникъ, Мори, пріютившій у себя ех-сёюгуна Іосіаки и вооружившійся, наконецъ, на защиту его правъ. Противъ него Нобунага отправилъ красу своихъ генераловъ, непобѣдимаго Хидеёси. Послѣдній сталъ быстро отбирать у непріятеля провинцію за провинціей и скоро стѣснилъ его до такой степени что оставалось только нанести окончательный ударъ. Но этотъ ударъ онъ хотѣлъ предоставить самому Нобунага и просилъ его для этого прибыть въ армію. Нобунага отрядилъ съ собою нѣсколько полковъ и уже готовъ былъ отправиться. Но вмѣсто триумфа, намъ предстоитъ описать печальную катастрофу, совершенно неожиданно положившую конецъ его дѣятельности. Вышедшему невредимымъ изъ неогляднаго ряда враговъ и уже безопасному отъ нихъ, потому что ихъ не стало, ему суждено было пасть отъ своихъ.

Въ числѣ приближенныхъ генераловъ Нобунага, за способности и усердную службу возвышенныхъ имъ изъ низкаго званія до княжескаго положенія, былъ одинъ по имени Акеци Мицухиде. При несомнѣнныхъ военныхъ дарованіяхъ, Мицухиде имѣлъ много качествъ обличавшихъ въ немъ мелкую натуру; по наружности эlegantный, аристократически-вѣжливый, даже учевый, но невыносимо гордый, обидчивый, мнительный и злопамятный, онъ былъ не на мѣстѣ въ кругу безыскусственныхъ, прямыхъ и честныхъ рубакъ школы Нобунага. Послѣдній, среди трудовъ боевой жизни, любилъ иногда освѣжить силы веселою пирушкой, въ кругу своихъ сподвижниковъ; тогда всѣ церемоніи отбрасывались въ сторону; герои браннаго поля тягались другъ съ другомъ количествомъ выпитыхъ чашъ; Нобунага своимъ примѣромъ поощрялъ всѣхъ: онъ былъ весь на-распашку, неудержимо веселый и шумливый: Мицухиде, какъ одинъ изъ военачальниковъ, также обязанъ былъ присутствовать на этихъ пирушкахъ; но плохо было ему здѣсь: Нобунага, вообще не терявшій случая сострить насчетъ своего щекотливаго генерала, на пирушкахъ особенно зло подтрунивалъ надъ нимъ, не подозревая того что каждая шутка его принималась за смертельную обиду и никогда не забывалась.

— Пей! кричалъ онъ ему однажды, подавая вино и зная очень хорошо что Мицухиде, къ довершенію всѣхъ качествъ утонченнаго японскаго джентльмена, не можетъ взять ни капли вина въ ротъ.

— Не могу, отговаривался генералъ съ самыми вѣжливыми поклонами.

— Пей, тебѣ говорятъ! горячился Нобунага.

— Никакъ не могу, упорствовалъ Мицухиде.

— А не можешь, такъ выпей вотъ это! кричалъ Нобунага, уже сидя верхомъ на опрокинутомъ генералѣ и размахивая саблей, которую какъ будто готовился воткнуть ему въ горло. Оробѣвшій Мицухиде, сквозь гримасы, выпилъ вино, при хохотѣ всей компаніи, послѣ чего удовлетворенный Нобунага схватилъ подъ мышку его голову и, похлопывая ладонью по безукоризненно выбритой лысинѣ, промолвилъ одобрительно:

— Эхъ, лысина, что твой барабанъ!

Сцены, подобныя этой, нерѣдко повторялись и до крайности бѣсили Мицухиде. Онъ возненавидѣлъ Нобунага. Нѣсколько серьезныхъ выговоровъ за нѣкоторыя служебныя ошибки укрѣпили эту ненависть; а ослѣпленный ею, Мицухиде нечувствительно пришелъ къ убѣжденію что и Нобунага, съ своей стороны, ненавидитъ его, хотя послѣдній продолжалъ цѣнить въ немъ опытнаго и искуснаго военачальника. Наконецъ, одинъ подслушанный удверей и дурно понятый разговоръ Нобунага съ кѣмъ-то окончательно убѣдилъ Мицухиде что Нобунага замышляетъ лишить его владѣній и жизни, хотя послѣднему, еслибъ онъ хотѣлъ сдѣлать это, не стоило составлять замысловъ, такъ какъ ему не труднѣе было уничтожить Мицухиде чѣмъ прежде вызвать изъ ничтожества. Огорченный до глубины души, Мицухиде сталъ искать средствъ предупредить несчастіе, готовое, по его мнѣнію, обрушиться на его голову, и въ умѣ его самъ собою родился замыселъ на жизнь Нобунага. Предъ отправленіемъ въ лагерь Хидеёси, Нобунага необдуманно нанесъ Мицухиде новое оскорбленіе, вызвавшее въ немъ окончательную рѣшимость. Въ то время въ Міяко прибылъ, съ визитомъ къ Нобунага, высокочтимый имъ Іеясу; принять и угостить его назначено было Мицухиде; но лишь только послѣдній приготовился къ этому, какъ Нобунага переимѣнилъ распоряженіе, приказавъ ему съ войскомъ

немедленно отправиться противъ Мори. Взбѣшенный Мицухиде велѣлъ бросить въ море все что было заготовлено для угощенія и ускакалъ къ своему войску уже съ созрѣвшимъ злымъ замысломъ. Нобунага, готовясь назавтра отправиться въ путь, ночевалъ съ сотнею человѣкъ своей свиты и тѣохранителей въ храмѣ Хонноодзи, близъ Міяко, въ то самое время когда Мицухиде долженъ былъ провести свою свыше чѣмъ двадцати-тысячную кавалерію на югъ, дорогою лежавшею неподалеку отъ храма. Угрюмый и молчаливый, вѣдалъ онъ впереди своихъ полковъ, еще ничего не знавшихъ о его замыслѣ. Вдругъ, при поворотѣ къ храму, онъ остановился и, указывая хлыстомъ по направленію къ храму, громкимъ голосомъ отдалъ приказъ:

— Мой врагъ вотъ гдѣ. Кто вѣрнѣе мнѣ, за мной! И не оглядываясь, поскакалъ къ храму. Всѣ знали что тамъ Нобунага, и изумленію не было границъ; но не время было колебаться; всѣ ринулись впередъ: никто не хотѣлъ быть предателемъ своего господина. Страшный шумъ и военные клики разбудили Нобунага.

— Кто измѣнникъ? крикнулъ онъ.

Его люди, успѣвшіе въ темнотѣ различить знамена, донесли ему кто.

— Это ты-то, презрѣнный рабъ! воскликнулъ онъ и, схвативъ лукъ, выбѣжалъ защищаться.

Туча стрѣлъ встрѣтила его на крыльцѣ: дворъ и крыши зданій уже усѣяны были неприятелями; не оставалось никакой надежды на спасеніе. Нобунага и его люди дрались только для того чтобы какъ можно дороже продать жизнь. Порвавъ тетиву у лука, Нобунага схватилъ копье и еще убилъ нѣсколько человѣкъ; но изнемогая и самъ отъ ранъ, вернулся въ комнаты, далъ наставленіе женѣ какъ скрыться, а самъ поджегъ домъ и умертвилъ себя (будучи сорока девяти лѣтъ отъ роду, въ 1582 году). Мицухиде долго искалъ въ пеплѣ пожара голову своего страшнаго врага: ему не вѣрилось чтобы Нобунага могъ погибнуть, хотя ему представили найденные остатки обгорѣлаго его платья. Первенецъ Нобунага, Нобутада, давно уже бывшій правою рукой отца во всѣхъ трудныхъ предпріятіяхъ и теперь готовившійся вмѣстѣ съ нимъ отправиться на югъ, занималъ въ эту ночь со своею свитой другой храмъ, неподалеку отъ Хонноодзи. Услы-

шавъ о несчастной кончинѣ отца, онъ могъ бы спастись немедленнымъ бѣгствомъ, что и совѣтовали ему приближенные; но опасаясь что всѣ дороги уже заняты, онъ предпочелъ дожидаться непріятелей на мѣстѣ и умереть въ честномъ бою. Въ полдень и его храмъ былъ окруженъ непріятельскими войсками, и онъ такъ же, какъ отецъ, уставъ въ неравномъ бою, кончилъ жизнь самоубійствомъ. Мицухиде занялъ Міяко и получилъ отъ микадо сёогунскій дипломъ; но ему ли, запятанному кровію своего господина, быть повелителемъ Японіи? У Нобунага остался внукъ, сынъ Нобутада, прямой наслѣдникъ верховной власти; осталось также нѣсколько сыновей; но и не имъ суждено было владѣть Японіей. Для этого давно уже готовился избранникъ счастья, питомецъ военной школы Нобунага, славный Хидеёси.

Тоётоми Хидеёси былъ сынъ бѣднаго крестьянина въ провинціи Овари. Еще младенцемъ онъ лишился отца, и мать его вышла замужъ за увѣчнаго солдата, служившаго въ войскѣ отца Нобунага. Маленькій Тоокици, какъ тогда простонародному назывался Хидеёси, былъ въ тягость вочичу и матери, жившимъ въ крайней бѣдности, и они отдали его въ монастырь, думая сдѣлать изъ него со временемъ бонзу. Но Тоокици былъ настолько уменъ что не понялъ безтолковыхъ буддійскихъ молитвенниковъ и до того шаловливъ что бонзы никакъ не могли сладить съ нимъ и принуждены были отослать его домой. Тогда родители стали отдавать его въ услуженіе; но неугомонный мальчикъ нигдѣ не могъ ужиться болѣе двухъ мѣсяцевъ; всегда бывало такъ, что въ первые дни онъ усердно займется своими новыми обязанностями, особенно если опредѣлятъ его на какой-нибудь заводъ; въ недѣлю-другую онъ успѣетъ въ точности узнать все что представляетъ ему новаго его должность, и затѣмъ эта должность дѣлается ему противною, и онъ лѣвится и бездѣльничаетъ до тѣхъ поръ пока его съ безчестіемъ выгонятъ. Мать была въ отчаяніи отъ безпутства сына и считала его совсѣмъ погибшимъ; родные и знакомые безпрестанно корили Тоокици и читали ему наставленія; но ему все было какъ къ стѣнѣ горохъ. Много лѣтъ промаялся онъ такъ изъ угла въ уголь; случалось засыпать ему и на грязномъ помостѣ между нищими; бывалъ онъ (по нѣкоторымъ сказаніямъ) и въ шайкахъ разбойниковъ. Будучи уже 22хъ

лѣтъ, онъ зажилъ что-то не въ примѣръ долго у одного богатаго крестьянина, которому очень понравился своею расторопностію. Крестьянинъ этотъ любилъ военную науку и имѣлъ хорошую коллекцію военнаго оружія; въ то время Нобунага одѣлъ свои войска въ какой-то новоизобрѣтенный панцырь; крестьянину захотѣлось достать этотъ панцырь для своей коллекціи, и онъ далъ Тоокици 6 рѣо (10 руб. 80 к.) денегъ и послалъ его въ Овари купить панцырь. Но Тоокици разчиталъ что ему гораздо лучше употребить эти деньги на собственную экипировку и поискать мѣста получше. Въ этихъ видахъ онъ отправился домой, показалъ вотчину 6 рѣо, какъ будто заработанная имъ, подарилъ тутъ же одно рѣо семейству, изъ остальныхъ на четыре справилъ себѣ новое платье и купилъ саблю, а что осталось припряталъ на черный день, и отправился къ Нобунага проситься на службу вмѣстѣ своего инвалида-вотчима. Чтобы лично изъяснить Нобунага свою просьбу, онъ подстерегъ его однажды на дорогѣ и бросилъ ему въ ноги, по всѣмъ правиламъ японскаго этикета. Расхохотался Нобунага при первомъ взглядѣ на него. Нужно замѣтить что Тоокици по виду былъ совершенный уродъ: маленькаго роста, съ большою головою, съ краснымъ лицомъ, совершенно обезьяньимъ; сходство съ обезьяной довершали необыкновенно живыя его движенія, такъ что съ самаго младенчества его никто иначе и не называлъ какъ обезьяной; это имя давалось ему каждымъ при первой встрѣчѣ, чѣмъ Тоокици никогда не обижался. И теперь Нобунага не могъ удержаться отъ смѣха, смотря на вертляваго Тоокици. „Совершенная обезьяна! Умень, должно-быть“, промолвилъ онъ, и велѣлъ зачислить Тоокици на службу. Тоокици былъ внѣ себя отъ радости и принялся усердно служить; а служба состояла лишь въ томъ чтобы при выходѣ барина подать ему соломенныя сандаліи, а при входѣ принять. Но здѣсь для Тоокици важна была уже не служба, а самъ баринъ: нашелъ онъ, наконецъ, по себѣ господина и всею душой привязался къ нему; трудно было ему показать свое усердіе при своей несложной службѣ, но онъ умѣлъ; своеобразный Нобунага не жилъ какъ другіе живутъ: вставалъ часто ни свѣтъ ни заря, выходилъ изъ дому совершенно неожиданно, но никогда онъ не могъ явиться въ передней и не застать тамъ Тоокици, смиренно сидящаго у порога, съ готовыми сандаліями. Нобунага, впрочемъ, не

обращалъ на это усердіе ни малѣйшаго вниманія. Уже другимъ, постороннимъ дѣломъ Тоокици вызвалъ къ себѣ на первый разъ его вниманіе. Въ крѣпостномъ валу резиденціи Нобунага сдѣлался обвалъ саженъ на 100; Нобунага велѣлъ починить; но работа шла чрезвычайно медленно, по нерадѣнію распорядителей. Нобунага часто проходилъ мимо этого мѣста, но какъ будто не замѣчалъ. Однажды, проходя, онъ услышалъ за собою ропотъ Тоокици.

— Чтѣ ты ворчишь, обезьянья рожа? крикнулъ онъ съ сердцемъ.

— Какъ же не ворчать? отвѣчалъ Тоокици, припавъ лицомъ къ землѣ.—Вы теперь въ войнѣ, а крѣпость въ такомъ состояніи. Чтѣ если непріятель вздумаетъ сдѣлать неожиданное нападеніе?

— А ты развѣ можешь скорѣй поправить?

— Да здѣсь на три дня работы!

— Поручить ему распорядиться! Но если ты не сдѣлаешь въ три дня, то отвѣтишь, пригрозилъ онъ Тоокици.

Послѣдній началъ съ того что въ первый день всѣмъ рабочимъ задалъ праздникъ; но на третій день Нобунага, проходя мимо, увидѣлъ что обвала и слѣдовъ нѣтъ. „Только обезьянья рожа можетъ такъ сдѣлать!“ удивился онъ, и наградилъ Тоокици первымъ офицерскимъ чиномъ. Скоро послѣ этого Нобунага, недовольный чрезмѣрными расходами на уголь и дрова въ своемъ дворцѣ, сдѣлалъ Тоокици смотрителемъ дровяныхъ и угольныхъ сараевъ: расходы сократились на семь десятыхъ. Въ это время на Тоокици взведено было обвиненіе, будто онъ укралъ у одного генерала золотую булавку; Тоокици со свойственнымъ ему искусствомъ отыскалъ покражу, уличилъ вора и съ горькими слезами истинно обиженнаго пожаловался Нобунага; послѣдній почувствовалъ къ нему состраданіе, сдѣлалъ строгій выговоръ генералу и, такъ какъ необыкновенная бѣдность Тоокици была единственною причиною павшаго на него подозрѣнія, то прибавилъ ему жалованья. Это дало возможность Тоокици, между прочимъ, завершить законнымъ бракомъ начатую имъ цѣлительную связь съ одною бѣдною дѣвушкой, дочерью умершаго офицера; но какъ бѣдна была свадьба! Сидя на соломѣ, пили молодые брачную чашу, и простой глиняный сосудъ игралъ роль брачнаго кубка. Истинная привязанность къ господину внушала Тоокици необыкновенную смѣлость: часто онъ

предлагалъ Нобунага разные совѣты, проекты, но увы! отвѣтъ ему былъ всегда въ такомъ родѣ: „Что ты понимаешь, обезьянья рожа! Убирайся вонъ!“ Или: „За твою дерзость слѣдовало бы тебѣ голову долой; это и будетъ, если ты еще осмѣлишься сунуться съ совѣтомъ.“ Но Тоокици, какъ ни въ чемъ не бывало, являлся съ новымъ совѣтомъ, такъ что при дворѣ прозвали его „мѣднымъ лбомъ“ и всячески издѣвались надъ нимъ. Посмѣяться надъ бѣднымъ Тоокици не прочь былъ и самъ Нобунага, и на маневрахъ иногда, для шутки, назначалъ его генераломъ и заставлялъ командовать войскомъ, чтò Тоокици, къ немалому удивленію толпы, исполнялъ такъ какъ бы и старому генералу. Подозрѣвать же у Тоокици истинные военные таланты никому и въ голову не приходило, и Нобунага однажды не на шутку разсердился, когда увидѣлъ его продѣлывающимъ военные артикулы съ толпою набранныхъ имъ для того подростковъ: Нобунага собственноручно изорвалъ флагъ, сочиненный Тоокици для этихъ случаевъ, и строго запретилъ ему впередъ заниматься подобными вещами. Но пришло, наконецъ, и для Тоокици время обнаружить себя. Въ войнѣ съ Сайтоу для Нобунага чрезвычайно важно было утвердиться на противоположномъ берегу рѣки, отдѣлявшей его владѣнія отъ неприятельскихъ. Нобунага посылалъ одного за другимъ всѣхъ лучшихъ генераловъ, съ отборнымъ войскомъ и со сплавами лѣсу, чтобы построить на неприятельскомъ берегу крѣпость и сдѣлать ее точкой опоры для будущихъ военныхъ операцій. Но трудъ, повидимому, былъ выше силъ: едва только переправятся и начнутъ строить крѣпость, какъ неприятель сильнымъ натискомъ прогонитъ войско, разрушитъ работы, и вновь нужны строительные матеріалы и свѣжія войска. Нобунага сильно досадовалъ и не зналъ чтò дѣлать. Конечно, въ этихъ обстоятельствахъ онъ никакъ не ожидалъ помощи отъ Тоокици, но тѣмъ не менѣе однажды обратился къ нему за совѣтомъ, съ тѣмъ видомъ съ какимъ иногда добросердечный баринъ болтаетъ и совѣтуется со своимъ комердинеромъ, вовсе не ожидая что камердинеръ скажетъ что-нибудь путное. Сверхъ чаянія, совѣтъ Тоокици оказался какъ нельзя болѣе путнымъ.

— Зачѣмъ издерживать свои войска? говорилъ онъ.—Тутъ нужно дѣйствовать противъ враговъ врагами же.

— Какъ такъ? спросилъ озадаченный Нобунага.

— Очень просто. Въ удѣлѣ Сайтоу множество недовольныхъ теперешнимъ правленіемъ. Всѣ эти недовольные разбѣжались по лѣсамъ, образовали шайки и разбойничаютъ. Я долго жилъ въ этой провинціи и хорошо знаю ее; знаю и предводителей шакъ (и онъ по пальцамъ насчиталъ до 160). Созвать ихъ; они съ радостію согласятся воевать противъ своего князя; на чтѣ лучше войска?

— Но кто возьмется за это дѣло?

— Поручите мнѣ, робко вымолвилъ Тоокици.

Нобунага съ охотою согласился. Да и отчего было не согласиться? Въ случаѣ неудачи, онъ не рисковалъ ничѣмъ; въ случаѣ же удачи, приобреталъ весьма много. Онъ даже обѣщаль Тоокици, въ случаѣ счастливаго начала, 500 солдатъ на помощь. Само собою разумѣется что прежнее обѣщаніе: отдать крѣпость и земли вокругъ нея во владѣніе тому кто построитъ эту крѣпость и отстоятъ ее, осталось неотмѣненнымъ. Тоокици исчезъ на нѣкоторое время изъ лагеря; но чрезъ нѣсколько дней подъ носомъ у непріятелей какъ будто изъ земли выросла крѣпость; непріятели по-прежнему напали чтобы разрушить ее, но нападеніе не только было отбито съ успѣхомъ, но въ то же время забрана у самихъ непріятелей близъ лежащая укрѣпленная мѣстность. Нобунага, внѣ себя отъ радости, переправился въ новыя свои владѣнія и осыпалъ Тоокици наградами: далъ ему аристократически звучащее имя Хидеёси, подарилъ знамя и съ тѣмъ вмѣстѣ право на командованіе войскомъ, и утвердилъ за нимъ отвоеванную мѣстность въ видѣ лена. Съ этихъ поръ начинается славная жизнь Хидеёси. Въ сраженіяхъ онъ всегда былъ первый, въ отступленіяхъ прикрывалъ другія войска; гдѣ была неминуемая опасность, гдѣ посѣдѣлые въ бояхъ генералы теряли голову, туда посылался Хидеёси, и нигдѣ ни разу онъ не потерялся и не проигралъ. Послѣ каждой побѣды онъ нашивалъ новую золотую тыкву-горлянку на значки своей кавалеріи, и хвалился что доведетъ число горлянокъ до тысячи; теперь уже не смѣялись надъ его словами, а принимали ихъ за оракулъ. „Тысяча горлянокъ“ стало прозваніемъ его и командуемаго имъ войска, и гдѣ видѣлись золотыя горлянки, оттуда непріятель заранѣе бѣжалъ, зная что тщетно противиться непобѣдимому Хидеёси. Нобунага цѣнилъ своего дивнаго генерала, осыпалъ его ласками и вотчинами, и съ гордостью указывалъ на него

другимъ вождямъ, если кого хотѣлъ укорить въ недостатокѣ энергіи или умѣнья. „Что за большая печень у этого Тоокици!“ говаривалъ онъ, осматривая дань которую слали ему непокорныя прежде провинціи, куда предъ тѣмъ только что посланъ былъ Хидеёси со своею кавалеріей. А Хидеёси, осматриваясь кругомъ, уже находилъ число враговъ слишкомъ бѣднымъ для себя.

— Когда я приведу въ покорность вамъ югъ, тогда позвольте мнѣ переправиться въ Корею; а когда покорю и ее, дайте помѣриться съ Китаемъ, говорилъ онъ, прощаясь съ Нобунага предъ отправленіемъ противъ Мори.

— Хидеёси, не много ли будетъ? возразилъ Нобунага. Ему казались странными эти легкіе порывы его живаго и пылаго Тоокици. Онъ самъ уже значительно усталъ въ этой непрерывной борьбѣ съ князьями, и вѣдомъ его трудовъ казалось ему объединеніе и умиротвореніе отечества. Эта была завѣтная мечта его съ самой ранней юности; когда въ первый разъ у него, крошечнаго князька, родилась эта мечта, предъ нимъ стѣною возвышались тысячи преградъ: на нихъ постоянно устремленъ былъ взоръ его, выше ихъ онъ не простирался и не могъ простираться. Не то съ Хидеёси: онъ не задавался задачей при вступленіи въ жизнь; у него не было личныхъ великихъ заботъ; понавъ на свою дорогу, онъ шелъ туда или сюда по чужому указанію; путь его такъ легокъ; куда ни обращается онъ, все разступается предъ нимъ и даетъ дорогу. Его геній такъ свѣтелъ и легокъ что онъ какъ будто играя идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ; и едва онъ почувствовалъ въ себѣ присутствіе этого генія, едва ощутилъ жажду широкой, многообъемлющей дѣятельности, какъ, озираясь кругомъ, онъ уже почти не видитъ враговъ,—и его быстрый взоръ скользитъ вдаль по глади океана, и тамъ ищетъ пищу для своего генія. Неизвѣстно что было бы еслибы Нобунага и Хидеёси, за недостаткомъ общаго дѣла, которое видимо клонилось къ концу, стали другъ противъ друга: вступили ли бы они въ борьбу другъ съ другомъ, и еслибы вступили, кто одолѣлъ бы: посвѣдѣлый въ побѣдахъ, опытный и твердый какъ сталь въ своихъ предпріятіяхъ Нобунага, или гибкій, живой и до невѣроятности находчивый и изобрѣтательный Хидеёси; можно сказать только то что Японіи пришлось бы плохо отъ этой тяжбы. Къ счастью, судьба заранѣе очистила путь для Хидеёси.

Положеніе Хидеёси было весьма затруднительно, когда онъ получалъ извѣстіе о смерти Нобунага: онъ былъ одинъ среди непріятелей; въ центрѣ имперіи верховную власть захватилъ убійца Нобунага и личный врагъ его самого; отъ другихъ полководцевъ Нобунага онъ также не могъ ждать ничего хорошаго для себя: они давно успѣли возненавидѣть его за быстрое возвышеніе и необыкновенные успѣхи. Но Хидеёси не смутился; никто не прочелъ на его лицѣ и тѣни тревоги, и его лагерь сохранилъ то же грозное спокойствіе какъ наканунѣ. Въ это время Мори уже просили пощады и мира: Хидеёси не кончалъ съ ними только потому что ждалъ прибытія Нобунага; теперь ему приходилось дѣйствовать самому. Въ непріятельскомъ лагерѣ еще никто не зналъ важной новости, и послы съ мирными предложеніями по-прежнему явились въ ставку Хидеёси. Чтобы на всякій случай показать непріятелямъ спокойную самоувѣренность, онъ отослалъ ихъ назадъ; когда же они снова явились, онъ прежде всего объявилъ имъ о смерти Нобунага, изложилъ затѣмъ свои условія мира и отпустилъ домой. Молодой князь Мори обрадовался неожиданному извѣстію и хотѣлъ снова открыть военныя дѣйствія; но опытные дяди остановили его. „Небо видимо предназначило этому человѣку владѣть Японіей“, говорили они. „Посмотри кругомъ: гдѣ властелинъ? Дѣти Нобунага поросята (sic); его генералы не на столько талантливы какъ Хидеёси. Если мы теперь заключимъ съ нимъ миръ, мы обезпечимъ себѣ его дружбу на будущее время.“ Условія Хидеёси были приняты; съ нимъ заключенъ самый дружескій союзъ и даже предложена помощь противъ Мицухиде. Чтобы не отвергнуть любезнаго предложенія, Хидеёси взялъ у Мори нѣсколько ружей, снялъ лагерь и съ быстротою, свойственною ему одному, явился въ столицѣ. Похититель власти всего тринадцать дней пользовался титуломъ сёогунъ; на четырнадцатый онъ былъ разбитъ и убитъ, а Хидеёси, въ качествѣ опекуна надъ внукомъ Нобунага, принялъ въ свои руки правленіе. Сподвижники Нобунага, съ его сыновьями во главѣ, возстали противъ этого, но Хидеёси безъ труда одолжалъ ихъ, послѣ чего уже прямо объявилъ себя верховнымъ поводителемъ, * надѣливъ лишь ленами дѣтей

* Мы рѣшительно затрудняемся опредѣлить положеніе Хидеёси другимъ словомъ, да и невозможно. Сами Японцы, въ продолженіи семи вѣковъ существованія сёогуновъ, не могли придумать приличнаго

и внука Нобунага и поставивъ ихъ въ рядъ простыхъ удѣльныхъ князей. Бѣольшая часть провинцій безспорно покорилась ему: князья спѣшили обезпечить за собою левы принесеніемъ присяги на вѣрность новому повелителю. Въ правахъ Хидеёси на верховную власть, основанныхъ на его талантахъ и особенно на его образцовыхъ войскахъ, повидимому, никто не сомнѣвался, и перемѣна правящей династіи на этотъ разъ далеко не стоила Японіи такого потрясенія какъ прежде. Но еще были у Хидеёси враги не склонявшіеся

названія для этого страшнаго положенія людей власти безъ титуловъ. Слово *сѣогунъ* обращалось въ практикѣ съ самой глубокой древности, усвоенное, согласно его буквальному смыслу, начальникамъ войскъ, и Иоритомо справедливо назывался сѣогуномъ, лишь только собралъ армию для борьбы съ Таура; но коль скоро онъ сдѣлался повелителемъ Японіи, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, названіемъ сѣогуна никакъ не могло выразиться его положеніе. А какое другое названіе усвоить? Императорскіе титулы должны были остаться неприкосновенными: посягнуть на нихъ значило бы окончательно низвергнуть императорскую династію, на что Иоритомо не рѣшился. Вводить какой-нибудь новый титулъ, напримѣръ короля (*воу*), тоже довольно опасно: неизвѣстно какъ принялъ бы это народъ, — народъ восточный, у котораго что освящено временемъ, то и свято. Не надежны ли было остаться, по наружности, при всемъ старомъ? Императоръ уже давно былъ безъ власти, это не тайна ни для кого: стадо быть, забирая въ свои руки Японію, Иоритомо не дѣлалъ ничего новаго; сѣогунъ тоже слово извѣстное всемъ и каждому.... Такъ или иначе, только Иоритомо не счелъ нужнымъ ломать голову надъ придумываніемъ титуловъ себѣ и остался съ названіемъ опредѣлявшимъ его отношеніе лишь къ арміи, но никакъ не къ Японіи вообще. Недостатокъ этого названія отчасти покупался тѣмъ что съ того времени его уже не усвоили собственно начальникамъ войскъ: *генералъ* сталъ единственнымъ лицомъ въ Японіи. Съ теченіемъ времени титулъ сѣогуна въ глазахъ народа болѣе и болѣе освящался, и Такаудзи, основатель новой династіи верховныхъ повелителей, уже тѣмъ болѣе не счелъ нужнымъ придумывать какое-нибудь новое названіе для себя. Нобунага не хотѣлъ принять сѣогунскаго титула, но и онъ не могъ придумать ничего лучшаго, и такъ и умеръ безъ титула. Хидеёси тоже не хотѣлъ назваться сѣогуномъ (японскіе историки говорятъ, будто императоръ не соглашался дать ему этотъ титулъ, на томъ основаніи что-де только потомки фамиліи Минамото могутъ пользоваться имъ; но это, конечно, писано лишь въ угоду послѣдней сѣогунской династіи, Токугава; Нобунага происходилъ отъ Таура, а императоръ предлагалъ же ему титулъ

предъ нимъ, и между ними человѣкъ котораго одного во всей Японіи Хидеёси нѣсколько боялся: это Токугава Иеясу. Отношенія Хидеёси къ нему заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Иеясу вѣрой и правдой служилъ Нобунага и всегда былъ отличаеми послѣднимъ предъ другими князьями. Своими блестящими военными талантами и опытностію, такъ какъ почти постоянно велъ войну, онъ былъ страшенъ врагамъ; вѣрностію слова и честностію онъ заслужилъ всеобщее уваженіе; строгостію дисциплины и въ то же время простотой въ

сёогунъ; Мицухиде—самая темная личность, а микадо поспѣшилъ же съ угодищствомъ выслать ему сёогунскій дипломъ, лишь только онъ совершилъ свое преступленіе). Но нужно же было назваться какъ-нибудь. Ему кто-то посоветовалъ принять титулъ квамбаку.

— А что такое квамбаку? спросилъ онъ.

— Это первое по императорѣ лицо; высшій сановникъ въ государствѣ, объяснилъ ему.

— А! Идетъ! отвѣтилъ онъ.

Должность квамбаку оказалась занятою какимъ-то Фудзивара: разумеется, это лицо почитательно и торопливо подадо въ отставку, и Хидеёси принялъ титулъ квамбаку. Но, конечно, этотъ мирный гражданскій титулъ еще менѣе могъ выразить значеніе верховнаго повелителя Японіи. И потому слѣдующій за Хидеёси, такой же повелитель, Иеясу, не мудрствуя лукаво, опять вернулся къ титулу сёогунъ. Между тѣмъ сами Японцы востоянно сознавали недостаточность этого титула, и нѣкоторые писатели, еще при первыхъ династіяхъ, покушались назвать сёогунъ *тайкуномъ*; но другіе рѣшительно возставали противъ этого, на томъ основаніи что слово *тайкунъ* есть лишь китайскій переводъ слова *оогими* (великій господинъ), тоже одного изъ императорскихъ титуловъ; и это названіе никогда не могло получить официальнаго значенія; его можно было встрѣтить только въ немногихъ, самыхъ льстивыхъ сёогунамъ сочиненіяхъ. Уже при заключеніи трактатовъ съ иностранными державами, когда японскимъ дипломатамъ нужно было уравнивать сёогунъ въ названіяхъ съ ихъ величествами разныхъ европейскихъ державъ, они поторопились усвоить сёогуну титулъ тайкуна. Но и это какъ бѣдно въ сравненіи съ пышными европейскими титулами королевскихъ особъ! Японскіе официалы много ломали голову чтобы придумать что-нибудь равнозначашее имъ, но такъ и не придумали, съ тѣмъ сёогунство и покончило свое существованіе. Кстати замѣтимъ что усвоенныя Европейцами наименованія микадо—*духовнымъ* императоромъ, а сёогунъ—*свѣтскимъ*, рѣшительно неудачны. Ужъ лучше бы называть одного—*номинальнымъ* императоромъ, а другаго *дѣйствительнымъ*.

въ обращеніи и умѣяемъ войти въ положеніе каждаго онъ возбуждалъ неподдѣльную любовь своихъ офицеровъ и солдатъ; а его справедливость, добросердечіе и заботливость о благѣ народа,—качества очень рѣдкія тогда между князьями,—дѣлали его идоломъ его подданныхъ. Все это, взятое вмѣстѣ, давно уже поставило Іеясу въ общественномъ мнѣніи Японіи выше всѣхъ князей, и въ настоящее время, если кого-нибудь, то именно его считали способнымъ помѣриться съ необыкновеннымъ баловнемъ счастья, Хидеёси. Онъ и самъ не прочь былъ отъ этого. По смерти Нобунага, Іеясу, бывшій на ту пору съ небольшою свитой въ Міяко, вдали отъ своихъ владѣній, подвергался опасности раздѣлить участь Нобунага. Въ первыя минуты онъ считалъ свою гибель до того неизбежною что хотѣлъ самъ порѣшить съ собою чтобъ избѣжать позорной смерти отъ руки враговъ; къ счастью, его уговорили отложить операцію харакири (разрѣзыванье живота), пока испытаны будутъ всѣ средства къ побѣгу. Своею добротой онъ приобрѣлъ себѣ много друзей въ разныхъ мѣстахъ, кромѣ своихъ провинцій, и теперь эти невѣдомые друзья помогли ему ускользнуть отъ опасности: онъ благополучно вернулся домой и тотчасъ же сталъ готовить войска для похода на Мицухиде. Но это было сдѣлано уже прежде его быстро поспѣвающимъ Хидеёси. Вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ къ походу на столицу самъ собой уничтожился; а такъ какъ тамъ начались смуты по поводу притязаній Хидеёси, то Іеясу счелъ за лучшее, не пускаясь за журавлемъ въ небѣ, приобрѣсти саницу, и занялся округленіемъ своихъ владѣній: въ самое короткое время онъ приобрѣлъ три провинціи, такъ что у него составился довольно почтенный легионъ въ пять провинцій. Народъ другихъ князей всегда былъ радъ пасть подъ управленіе справедливаго Іеясу; войска завоеванныхъ провинцій также съ охотою поступали подъ его побѣдоносныя знамена; такимъ образомъ, пока Хидеёси опредѣлялъ свое положеніе въ столицѣ, и Іеясу сталъ на своей почвѣ твердою ногой, готовый принять вызовъ на какую угодно борьбу. Долго Хидеёси ждалъ визита Іеясу въ столицу, но послѣдній не двигался; непокорные князья съ Сикоку слали пословъ къ Іеясу, прося его союза противъ Хидеёси, но онъ и отъ этого уклонялся: онъ не хотѣлъ связать свое дѣло съ дѣломъ ненадежныхъ союзниковъ; онъ предпочиталъ стоять одиноко чтобъ имѣть во всякое время полную

свободу выбора. Наконецъ Нобувоу, старшій изъ оставшихся сыновей Нобунага, желавшій во что бы ни стало добиться своихъ правъ на первенство въ Японіи, убѣждалъ къ Іеясу, отдавая свое дѣло съ Хидеёси въ его руки. Іеясу принялъ его и обѣщался защищать, но все-таки не хотѣлъ выступить изъ своихъ владѣній, предпочитая вести борьбу на родной почвѣ. Хидеёси волею-неволей долженъ былъ принять очевидный вызовъ. Съ сильнымъ войскомъ вступилъ онъ въ непріятельскія владѣнія и тотчасъ же встрѣтился лицомъ къ лицу съ Іеясу; противники смѣрили другъ друга взорами и остановились: ни тотъ ни другой не хотѣлъ начинать первый; каждый изъ нихъ зналъ что ставилъ здѣсь на карту весьма многое, если не все, и потому каждый, для большей вѣрности, хотѣлъ по первымъ дѣйствіямъ угадать планъ противника и сообразоваться съ нимъ. Нетерпѣливому Хидеёси надобно, наконецъ, это критическое положеніе.

— Нужно послать къ Іеясу письменный вызовъ, сказалъ онъ однажды въ кругу своего штаба.

— Не слѣдуетъ, замѣтилъ на это одинъ изъ его приближенныхъ. Можно предвидѣть чѣмъ кончится въ такомъ случаѣ. Іеясу отвѣтитъ колкостью; вы выйдете изъ себя и второпяхъ надѣлаете, пожалуй, непоправимыхъ глупостей.

— Какъ можно чтобъ я въ такихъ случаяхъ горячился! возразилъ Хидеёси, и велѣлъ изготовить письмо въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. „Князь, начинайте“, гласило оно; „нужно же намъ кончить наше дѣло; вы видите, я огородился частоколомъ и не имѣю ни малѣйшаго намѣренія двинуться отсюда, пока мы не сразимся.“ Письмо было отнесено на непріятельскій валъ и прибито къ столбу. Отвѣтъ не замедлилъ, но онъ былъ не отъ Іеясу, а отъ начальника авангарда, и заключался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Не угодно ли вамъ начинать, князь? Вы огородили свое войско частоколомъ чтобъ оно не разбѣжалось, а у насъ безъ всякихъ загородей войско стоитъ, готовое во всякую минуту отразить васъ.“ Какъ порохъ вспылалъ Хидеёси, прочитавъ этотъ отвѣтъ.

— Ну, такъ и есть! Не говорилъ ли я что быть бѣдѣ? послѣшилъ замѣтить его другъ. Но Хидеёси, не слушая ничего, выбѣжалъ въ чемъ былъ изъ палатки и пустился къ непріятельскому валу. Перепуганная свита бросилась за нимъ, не зная что будетъ; а онъ бѣгомъ взлетѣлъ на валъ

и вслухъ обоихъ лагерей обругалъ Іеясу самыми рѣзкими словами. Непрiятельскіе аванпосты, узнавъ его, подпали палубу, но пули летѣли мимо; „небомъ даннаго повелителя и пуля не беретъ!“ прокричалъ онъ и, повернувшись, неторопливымъ шагомъ отправился въ свою палатку. Облегчивъ такимъ образомъ душу, Хидеёси опять сталъ ждать, но наконецъ его терпѣніе окончательно истощилось, и онъ рѣшился послѣдовать совѣту нѣкоторыхъ генераловъ: отдѣлить часть войска и зайти непрiятелю въ тылъ. Совершенно незамѣтно, повидимому, сдѣланъ былъ этотъ маневръ, подъ начальствомъ тѣхъ самыхъ генераловъ которые подали совѣтъ; но лишь только они подошли къ крѣпости, на которую предположено было напасть, какъ опять очутились лицомъ къ лицу съ самимъ Іеясу: произошло сраженіе, и войска Хидеёси не выдержали. Іеясу, отразивъ нападеніе, опять остановился, готовый, повидимому, встрѣтить непрiятеля въ каждомъ пунктѣ своей территоріи. Хидеёси не рѣшился продолжать опасную борьбу, и чтобы дать благовидный предлогъ къ отступленію, разрушилъ нѣсколько незначущихъ крѣпостей и, какъ будто сдѣлавъ все что хотѣлось, вернулся съ войсками въ Міако. Тотъ же Нобувоу, который вызвалъ Іеясу на защиту своихъ правъ, принялъ на себя, конечно, не безъ внушеній со стороны Хидеёси, посредничество между враждующими партіями, и формальный миръ былъ заключенъ. Но Іеясу все-таки не хотѣлъ явиться въ столицу: онъ продолжалъ быть въ тѣхъ же гордо-холодныхъ и независимыхъ отношеніяхъ къ Хидеёси какія принималъ до начала войны. Хидеёси рѣшилъ во что бы то ни стало сломить эту гордость. Не разъ уже его послы возвращались отъ Іеясу ни съ чѣмъ, наконецъ онъ отправилъ посольство съ рѣшительнымъ приказаніемъ не являться обратно, если Іеясу не будетъ уговоренъ прибыть въ столицу. Послы долго убѣждали Іеясу согласиться на желаніе ихъ повелителя, представляя всѣ выгоды союза съ нимъ и всѣ невыгоды борьбы; Іеясу по-прежнему отвѣчалъ имъ или холоднымъ молчаніемъ, или вѣжливыми, но рѣшительными противорѣчіями, и наконецъ, бросивъ ихъ, уѣхалъ на соколиную охоту. Послы послѣдовали за нимъ и туда, и опять пристали съ уговорами.

— Съ Хидеёси уже вся Японія, а вы, князь, одинъ: можете ли вы бороться съ нимъ, когда у васъ всего пять провинцій?

Само небо видимо покровительствуетъ ему, и вы, не покаясь Хидеёси, возбудите противъ себя мщеніе неба. Не лучше ли посвятить столицу? Дайте намъ рѣшительный отвѣтъ.

Держа сокола на локтѣ и готовясь пустить его, Іеясу отвѣчалъ сухо и рѣшительно:

— Сколько ужь разъ я говорилъ вамъ что мы не сходимся съ княземъ. Я былъ въ столицѣ, когда мы оба съ нимъ служили у общаго намъ повелителя; а теперь мнѣ, больше чѣмъ столичныя виды, нравятся вотъ эти дикія поля и эта охота. Что же касается до угрозъ, то я понимаю свое положеніе лучше чѣмъ кто-нибудь. Съ Хидеёси вся Японія, а со мной мои владѣнія, но за то здѣсь каждый клочъ земли мнѣ извѣстенъ, а ему придется вести войну на незнакомой почвѣ. Идите и передайте все это князю, и если опять явятся ко мнѣ послы, то я уже не буду такъ снисходителенъ къ нимъ какъ доселѣ. И онъ отвернулся отъ нихъ и спустилъ сокола.

Со страхомъ и трепетомъ передавали послы этотъ отвѣтъ Хидеёси, ожидая вспышки необузданнаго гнѣва; но тихо выслушавъ онъ ихъ, далъ знакъ удалиться и глубоко задумался. Уже поздно вечеромъ онъ очнулся отъ своей задумчивости и велѣлъ позвать пословъ. Встрѣтилъ ихъ веселый и радостный.

— Іеясу, наконецъ, явится ко мнѣ, сказалъ онъ.—Слушайте: у него недавно умерла жена; я предложу ему жениться на моей сестрѣ; въ заложницы же, на то время пока онъ будетъ въ Міяко, отправлю свою мать.

Планъ былъ оригиналенъ: никто еще въ такихъ случаяхъ не отдавалъ въ залогъ родную мать; что же касается до сестры, то она давно уже была замужемъ за другимъ княземъ. Но это не смутило Хидеёси: онъ велѣлъ князю развестись съ женой, послѣ чего бѣдный князь долженъ былъ отъ печали и позора распороть себѣ брюхо, и отправилъ сватовъ къ Іеясу.

Не выдержавъ на этотъ разъ неуступчивый противникъ; отказать и теперь значило бы уже возбудить смертельную вражду Хидеёси; Іеясу предпочелъ почетный союзъ и родство и обѣщался прибыть въ столицу лично благодарить нареченнаго шурина. Хидеёси не медля отправилъ къ нему мать, а Іеясу не замедлилъ вмѣсто ея явиться въ Міяко. Хидеёси былъ въ восхищеніи отъ успѣха своего предпріятія. Ему важна была покорность Іеясу, не только какъ опаснаго

соперника, но и по другой причинѣ. Окружающіе его князья, по невозможности бороться съ нимъ, конечно, покорились ему. Но никто изъ нихъ не забывалъ кто такой Хидеэси по своему происхожденію; сынъ раба подчинилъ себя всѣхъ ихъ, гордыхъ и сановитыхъ вассаловъ,—дѣло неслыханное и безпримѣрное въ японской исторіи; но чѣмъ чувствительнѣе было ранено ихъ самолюбіе, тѣмъ грубѣе были проявленія ихъ неудовольствія: многіе старались дать своимъ отношеніямъ къ Хидеэси видъ фамиллярности, иные позволяли себѣ колкія замѣтки насчетъ его; все это не могло нравиться Хидеэси, не потому чтобъ онъ былъ щепетилецъ и безразсудно гордъ, но потому что это отзывалось неповиновеніемъ и могло во всякое время послужить зерномъ раздора и большихъ беспорядковъ. Хидеэси не безъ основанія разчитывалъ что покорность гордаго Іеясу, первенца между князьями, по сознанию самихъ князей, поможетъ ему въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ.

— Какъ быть? Князья фамиллярничаютъ со мной и держатъ себя слишкомъ вольно, на томъ основаніи что я тако-го низкаго происхожденія. Чѣмъ помочь въ этомъ? спросилъ Хидеэси на первомъ же частномъ визитѣ, которымъ успѣшили привѣтствовать давно жданнаго гостя, лишь только онъ прибылъ въ Міяко.

— Одно средство: учредить строгій этикетъ; я завтра же покажу имъ примѣръ, отвѣчалъ Іеясу.

Назавтра назначенъ былъ офиціальнѣйшій пріемъ Іеясу; всѣ наличные князья и вельможи должны были участвовать въ церемоніи. Іеясу съ глубоко почтительнымъ видомъ и со всѣми признаками самаго покорнаго вассала представился Хидеэси, который, согласно условію, держалъ себя на этотъ разъ особенно гордо и церемонно. Смотри на эту сцену, всѣ прикусили языкъ и почувствовали урокъ. Если непобѣдимый Іеясу такъ смиряется, то какъ же должны быть низки предъ Хидеэси они сами, не смѣвшіе и думать о сопротивленіи ему въ открытомъ полѣ! Чтобъ еще болѣе подѣйствовать на князей, разыграна была, по предварительному условію, слѣдующая сцена. Однажды Хидеэси, въ сопровожденіи блистательной свиты вассаловъ, дѣлалъ визитъ Іеясу. На немъ былъ бѣлый военный плащъ. По окончаніи визита, когда Іеясу, съ видомъ глубокой почтительности, проводилъ Хидеэси изъ внутреннихъ покоевъ въ пріемную, гдѣ оба они очутились предъ

огромною толпою князей и сановниковъ, Иеясу вдругъ, какъ бы повнезапному вдохновенію, обратился къ Хидеёси съ почтительнѣйшею просьбой, и когда послѣдній пожелалъ узнать въ чемъ дѣло, попросилъ подарить ему одежду съ плеча.

— Да вѣдь это военный плащъ, возразилъ Хидеёси.

— Его-то я и прошу. Мой высокій шуринъ можетъ теперь освободить себя отъ военныхъ доспѣховъ. Иеясу сумѣетъ защитить его, если то потребуется.

— Какого славнаго зятя я приобрѣлъ себѣ, съ веселымъ смѣхомъ замѣтилъ Хидеёси, обращаясь къ свитѣ и отдавая плащъ Иеясу. Двѣ-три сцены въ томъ же родѣ, и самое строгое соблюденіе этикета воцарилось при дворѣ Хидеёси.

Поладивъ съ Иеясу, Хидеёси уже не боялся болѣе никого въ Японіи. Изъ оставшихся непокорными князей, самыми главными теперь были два: Симацу Иосихиса, предокъ теперешняго Сацумскаго князя, и Хоодзёу Удзимаса, владѣтель восьми восточныхъ провинцій. Первый, владѣя леномъ на самомъ отдаленномъ отъ центральнои власти концѣ Японіи, на югѣ Кіусіу, давно уже безнаказанно билъ сосѣднихъ князей и отнималъ у нихъ владѣнія, на требованія покорности отвѣчалъ Хидеёси самыми грубыми письмами, и не думалъ призывать надъ собою ни чьего контроля. Хидеёси, наконецъ, потерялъ терпѣніе, и самъ отправился усмирить бунтующаго вассала. Иосихиса хотѣлъ противиться, но это оказалось безуміемъ; скоро онъ кончилъ тѣмъ что обрилъ голову, надѣлъ монашескую рясу и, съ заранѣе приготовленнымъ для себя гробомъ, явился въ лагерь Хидеёси. Послѣдній смягчился такимъ необыкновеннымъ видомъ покорности и оставилъ жизнь и владѣнія роду Симацу, отобравъ у него все то что было захвачено незаконно.

Хоодзёу Удзимаса тоже долго упорствовалъ въ неповиновеніи Хидеёси. Много разъ они обмѣнялись взаимными посольствами, и Хоодзёу совсѣмъ не прочь былъ явиться съ повинною въ столицу; онъ только ждалъ чтобъ ему предложена была такая же честь какъ Иеясу. Но онъ, хоть и владѣтель восьми провинцій, по своимъ личнымъ качествамъ далеко не былъ такъ опасенъ какъ Иеясу, и Хидеёси не намѣренъ былъ кокетничать съ нимъ. Вида безуспѣшность дружескихъ вызововъ, онъ объявилъ что идетъ усмирить его силой. Между прочими князьями, онъ пригласилъ на этотъ

разъ участвовать въ походѣ и Іеясу. Послѣдній, находясь по брачнымъ связямъ въ близкомъ родствѣ съ Хоодзѣу, видѣлъ необходимость обезпечить довѣріе Хидеёси какимъ-нибудь важнымъ залогомъ, и отослалъ къ нему съ этою цѣлію своего старшаго сына. Хидеёси принялъ мальчика совершенно по-родственному, повелъ его къ своей женѣ, велѣлъ нарядить по-столичному, самъ заткнулъ ему за поясъ дорогую саблю и вновь вывелъ къ посламъ: укорилъ Іеясу въ излишней мнительности, разсыпался въ увѣреніяхъ что онъ безъ всякихъ залоговъ твердо надѣется на Іеясу и, обнявъ мальчика, возвратилъ посламъ для доставленія отцу. Но Іеясу не совсѣмъ по душѣ пришлаась эта любезность милаго шурина: онъ совершенно понялъ смыслъ ея.

— Это значитъ что онъ хочетъ занять мои крѣпости на время войны съ Хоодзѣу, пояснилъ онъ.

Дѣйствительно, таково было намѣреніе Хидеёси. Многіе генералы Іеясу подозрительно взглянули на эту политику; но онъ лучше ихъ зналъ рыцарскій духъ Хидеёси и со всею готовностію обѣщался посланцамъ его очистить нужныя крѣпости.

— Вы этакъ, пожалуй, и жену свою уступите другому, угрюмо и ворчливо замѣтилъ тутъ же одинъ изъ старыхъ совѣтниковъ.

— Вотъ, онъ всегда такъ грубитъ, этотъ несносный дядька мой, отшутился благодушный Іеясу, сильный, между прочимъ, тѣмъ, что никогда не стѣснялъ своихъ совѣтниковъ въ выраженіи ихъ мнѣній.

Въ награду за помощь Іеясу въ войнѣ противъ Хоодзѣу, Хидеёси еще напередъ обѣщалъ отдать ему ленъ Хоодзѣу. Но увы, и это было вовсе не къ радости Іеясу. Хидеёси нужно было не наградить его, а разлучить съ его народомъ, который обожалъ своего князя, чѣмъ было вовсе невыгодно для всякаго, кто захотѣлъ бы враждовать съ нимъ. Тѣ восемь провинцій разстроены дурнымъ управленіемъ и войной: когда еще Іеясу приведетъ ихъ въ порядокъ и пріобрѣтетъ любовь народа! А между тѣмъ восемь, вмѣсто пяти которыми до сихъ поръ владѣлъ Іеясу: какъ не считать этого наградой! Скрѣпя сердце, Іеясу благодарилъ своего щедраго шурина (какъ будто оба они не разумѣли своей взаимной комедіи!) и усердно дрался съ Хоодзѣу.

— Гдѣ думаетъ основать свою резиденцію? спросилъ

однажды Хидеёси у Теясу, въ лагерѣ при Одавара, отлично укрѣпленной резиденціи Хоодзёу.

— Да гдѣ же какъ не здѣсь?

— Нѣтъ, я совѣтую тебѣ занять другое мѣсто. Миль 20 отсюда, по восточному берегу, есть прекрасный заливъ съ небольшимъ городкомъ Едо: вотъ гдѣ мѣсто для твоей резиденціи.

Теясу принялъ совѣтъ и, по полученіи лена, дѣйствительно основался въ Едо, хотя, по низменности мѣста, ему стоило необыкновенныхъ трудовъ сдѣлать его удобообитаемымъ и построить укрѣпленія.

По уничтоженіи Хоодзёу, вся имперія была у ногъ Хидеёси; воля одного повелителя непрекословно исполнялась всѣми: давно уже не было этого въ Японіи. Будучи геніальнымъ полководцемъ, Хидеёси былъ не менѣе геніальнымъ администраторомъ: всѣ части управленія подверглись при немъ преобразованію и улучшеніямъ; особенно же великую услугу своему народу оказалъ онъ повѣркой и перемежеваніемъ земель, причемъ обращено было самое строгое вниманіе на распредѣленіе полей по классамъ, смотря по производительности почвы, и, сообразно съ этимъ, съ разныхъ полей опредѣлены неодинаковыя повинности.

Но ни внутреннія войны, ни заботы по управленію не могли истощить богатыхъ силъ геніальнаго Хидеёси. Куда дѣтъ избытокъ ихъ? Не забылъ онъ своего плана внѣшнихъ завоеваній, заявленнаго имъ еще при Нобунага. Занятый объединеніемъ Японіи, онъ, отъ времени до времени, давалъ знать окружавшимъ его что этотъ планъ носится въ его душѣ. Такъ однажды, осматривая Камакура и зашедши въ храмъ гдѣ стояла статуя Юритомо, онъ, поглаживая по спинѣ перваго сёогуна, говорилъ вслухъ своей свитѣ: „пріятель, ты голою рукой взялъ имперію; только ты да я способны на это. Впрочемъ, ты происходишь отъ знатнаго рода, а я сынъ раба; да притомъ, порѣшивъ съ домашними дѣлами, я доберусь и до Китая. Какъ ты думаешь объ этомъ?“ Теперь Хидеёси рѣшилъ, наконецъ, осуществить свою долговременную мечту. Предлогъ къ началю войны былъ готовъ. При первыхъ сёогунахъ династіи Асикага, Японія была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Китаемъ и Кореей; китайскіе императоры любезничали съ Асикага, называя ихъ королями; Корея служила посредницей этихъ любезностей. Въ

послѣднее время Асикага, когда въ Японіи настала страшная безурядица, японскіе пираты начали грабить берега Китая и Кореи, за что послѣдніе почувствовали самое непріязненное расположеніе къ Японцамъ, хотя правильныя торговля сношенія между Кореей и Японіей, чрезъ посредство японскаго острова Цусима, не прекращались. Хидеэси давно еще, чрезъ двойныхъ данниковъ Китая и Японіи, Ріукіидевъ (жителей Лючу), пытался возобновить сношенія съ китайскимъ императоромъ, но послѣдній не счелъ нужнымъ даже отвѣчать ему. Этого уже достаточно было для начатія войны. Такъ какъ въ Китай ближайшій путь былъ чрезъ Корею, данницу Китая, то Хидеэси хотѣлъ прежде всего склонить ее на свою сторону. Въ любезномъ письмѣ, по этому поводу, къ корейскому королю, Хидеэси, извѣстивъ его о прекращеніи безпорядковъ въ Японіи и объединеніи ея, продолжалъ: „Хидеэси низкаго происхожденія; но его мать, забеременѣвъ имъ, видѣла во снѣ что будто солнце вошло въ ея чрево. Гадатели объяснили что всѣ страны, куда достигаешь солнечный свѣтъ, наполняется славой его оружія, и что съ кѣмъ бы онъ ни воевалъ, непременно побѣдитъ, что бы ни захотѣлъ взять, непременно возьметъ.“ Онъ просилъ дальше короля открыть ему свободный путь въ Китай и даже оказать ему двѣтательную помощь. Но король счелъ все это самохвальствомъ и отвѣчалъ грубостію и прямымъ вызовомъ на войну. Тогда Хидеэси созвалъ князей, объяснилъ имъ свои сношенія съ Китаемъ и Кореей и свой планъ относительно завоеванія ихъ, и требовалъ ихъ совѣта. Князья, зная что война заранѣе рѣшена, единогласно одобрили его предпріятіе и обѣщались безусловно слѣдовать его предписаніямъ. Тогда онъ назначилъ, кому съ какимъ количествомъ войска и военныхъ запасовъ явиться къ походу, и распустилъ всѣхъ по домамъ для скорѣйшаго приготовленія. Сборнымъ пунктомъ назначена была Нагоя, въ области Хизень, на Кіусіу. Когда войска собрались, Хидеэси, сообразно раздѣленію Кореи на восемь дорогъ, раздѣлялъ ихъ на восемь дивизій, назначилъ начальниковъ и составилъ превосходный планъ кампаніи, въ которомъ, повидимому, все было предусмотрено и напередъ устроено. Въ заключеніе, для лучшаго исполненія этого плана, онъ предположилъ отправиться во главѣ войскъ самъ. Но это встрѣтило рѣшительное противорѣчіе со стороны какъ искреннихъ приверженцевъ его, такъ и всѣхъ

желавшихъ блага отечеству. На совѣтъ по этому поводу Хидеёси долго спорилъ съ князьями, старавшимися деликатно уговорить его остаться дома.

— Да что попусту тратить слова? Когда человекъ спятитъ съ ума, тогда его ничѣмъ не урезонишь, хватилъ съ плеча, наконецъ, одинъ старый князь, любившій говорить правду.

— Я спятилъ съ ума? Доказательства! вспыхнулъ Хидеёси, выхвативъ саблю.

Князь, нисколько не смутившись, рѣзко и смѣло представилъ ему эти доказательства. Онъ говорилъ что „для Японіи, только что отдѣлавшейся отъ внутреннихъ мятежей, очень тяжела эта новая война, которая будетъ поглощать потъ и кровь народа, что народъ все-таки молчаливо перенесетъ ее, но не иначе какъ если самъ Хидеёси останется съ нимъ и своимъ присутвіемъ будетъ обуздывать людей злонамѣренныхъ и склонныхъ къ мятежамъ; въ противномъ же случаѣ, лишь только Хидеёси покинетъ берегъ, какъ въ разныхъ концахъ государства непременно вспыхнутъ бунты, и отечество снова подвергнется всѣмъ ужасамъ междоусобій; Хидеёси, не окончивъ дѣла, все-таки принужденъ будетъ вернуться домой, но еще неизвѣстно какъ его приметъ тогда отечество“. Хидеёси казалось все это недостаточнымъ чтобы назвать его сумашедшимъ, и онъ порывался своеручно изрубить князя, безропотно подставлявшаго голову подъ саблю; но, къ счастью, между ними стали другіе князья, кивнули виновному чтобъ онъ ускользнулъ, а разгоряченному Хидеёси представили все недостоинство самоличнаго труда въ этомъ случаѣ и вызывались каждый замѣнить его саблю своею. Князь, затворившись дома, нѣсколько дней ждалъ приказа совершить харакири, но этого не послѣдовало; резоны же его, кстати подкрѣпленные письмомъ матери Хидеёси, извѣщавшей его о своей болѣзни и умолявшей не отлучаться изъ отечества, все-таки сдѣлали свое дѣло: Хидеёси рѣшился отпустить войско безъ себя. Князь былъ какъ нельзя болѣе правъ: когда онъ былъ еще въ неизвѣстности касательно своей участи, здѣсь же, на Кіусіу, въ одномъ мѣстѣ вспыхнулъ бунтъ; Хидеёси позвалъ князя, извинился предъ нимъ въ запальчивости и поручилъ его сыну усмирить бунта, а самъ еще болѣе утвердился въ рѣшимости не оставлять отечества. Между тѣмъ леіоны его благополучно высадились въ Корей (въ 1592 г.) и шли отъ побѣды къ побѣдѣ: корейскія крѣпости

падали, города почти безпрекословно сдавались. Кореѣ ли, вѣками приученной къ подчиненію и ослабленной отъ двойнаго гнета Китая и Японіи, воевать съ гордыми духомъ японскими войсками, особенно когда ими командовали такіе птенцы гнѣзда Хидеэси какъ Катоу Кіёмаса и Кониси Юкинага? Кореѣскій король слалъ пословъ за послами въ Китай, требуя помощи. Китайскій императоръ увидѣлъ что съ Хидеэси въ самомъ дѣлѣ шутить не слѣдуетъ, и спѣшилъ выслать огромныя арміи въ Корею: ему хотѣлось во что бы то ни стало вести эту войну на чужой почвѣ, чтобы не подвергать своихъ земель всѣмъ ужасамъ непріятельскаго нашествія. Уже недалеко отъ своихъ предѣловъ китайскія войска встрѣтились съ японскими и тоже были разбиты на всѣхъ пунктахъ. Тогда Китайцы заговорили о мирѣ, обѣщались согласиться на всевозможныя уступки. Между японскими вождями также нашлись сторонники мира. Хидеэси, управляя издали экспедиціей, не могъ устранить соперничества между генералами. Они старались щеголять другъ предъ другомъ побѣдами и не упустили случаевъ ставить другъ друга въ очень затруднительное положеніе, словомъ, мѣшали одинъ другому. Это было причиной что война, хотя и побѣдоносная для Японцевъ, все-таки не шла такъ какъ ожидалъ Хидеэси, а между тѣмъ для нея истощался весь японскій народъ, и потому самъ Хидеэси не прочь былъ отъ мира, разумѣется, выгоднаго для себя; именно, онъ хотѣлъ чтобы все то что забрано его войсками въ Кореѣ осталось за нимъ, Китай же долженъ былъ поднести ему титулъ своего короля. Китайскій императоръ съ радостію согласился на эти условія, и потому военныя дѣйствія были остановлены, и изъ Китая отправлено къ Хидеэси блистательное посольство съ королевскимъ дипломомъ и платьемъ. Назначенъ былъ день для торжественной аудіенціи посламъ; Хидеэси, въ присланномъ королевскомъ одѣяніи, сидѣлъ на тронѣ во главѣ блистательнѣйшей свиты своихъ вассаловъ и вельможъ двора; послы представились ему со всѣми признаками подобострастія и поднесли дипломъ который велѣно было тутъ же торжественно прочитать. „Итакъ за все это“, заключалъ высокопарный дипломъ, перечисливъ высокія достоинства и заслуги Хидеэси, „мы жалуемъ ему титулъ японскаго короля“.

— Японскаго короля! вскрикнулъ Хидеэси, вскинувшись съ мѣста.— Титулъ Японскаго короля, кипѣлъ онъ, швыряя съ

себя королевскую шапку и мантию.—Я и безъ того въ Японіи все что хочу: императоръ, такъ императоръ, король, такъ король! Кто же смѣетъ давать мнѣ японскіе титулы?

Всѣ въ залѣ были ни живы ни мертвы; послы ждали что имъ сейчасъ головы съ плечъ; но Хидеёси велѣлъ просто прогнать ихъ, и сейчасъ же закупѣли приготовленія къ новой войнѣ. Опять японскій народъ повесъ трудовую ленту на военные расходы, опять несчастная Корея застонала подъ двойными ударами, а слабодушные Китайцы, неподражаемо способные лишь на обманъ, стали пятиться отъ храбрыхъ враговъ. Но, къ счастью для всѣхъ, престарѣлый Хидеёси уже стоялъ на краю гроба: ему было 62 года, когда началась эта вторая корейская война (въ 1597 г.). По смерти его, послѣдовавшей въ ближайшемъ году, войска изъ Кореи немедленно были отозваны, и его предпріятіе рухнуло, къ общей радости всѣхъ трехъ державъ. Единственнымъ плодомъ этого предпріятія для Японіи осталось, и то на короткое время, возстановленіе древнихъ данническихъ отношеній корейскаго короля къ Японіи.

Хидеёси долгое время былъ бездѣтнымъ; однажды порадовало его рожденіе сына отъ одной изъ наложницъ, но и тотъ скоро померъ; это крайне печалило его, особенно подъ старость, когда нужно было подумать о преемникѣ себѣ. Отчаявшись имѣть дѣтей, онъ, еще предъ первымъ походомъ въ Корею, назначилъ своимъ преемникомъ своего племянника Хидецунгу. Но послѣ этого у него неожиданно родился сынъ, названный Хидеёри. Хидеёси былъ вѣдъ себя отъ радости. Для новорожденнаго, конечно, нужно было очистить мѣсто, отданное племяннику; кстати, этотъ племянникъ оказался совершеннымъ негодяемъ, способнымъ лишь на самый необузданный развратъ и тиранство. Хидеёси долго терпѣлъ его и ждалъ исправленія; наконецъ, когда Хидецунгу затѣялъ было возстаніе противъ дяди, Хидеёси рѣшился обуздать малаго племянника. Послѣдній, видя свой замыселъ открытымъ, пришелъ въ такой страхъ что, не дожидаясь раздѣлки, порѣшилъ самъ съ собою. Хидеёри предстояло наследовать титулы и власть отца. Но онъ былъ еще ребенкомъ, когда Хидеёси почувствовалъ приближеніе смерти. Умирая, Хидеёси сдѣлалъ все что могъ дабы обезпечить власть за сыномъ. Самыхъ сильныхъ князей и самыхъ преданныхъ своему дому людей онъ сгруппировалъ вокругъ Хидеёри, раздѣливъ между

ними дѣла правленія и устройствъ такъ что, повидимому, никто не могъ взять опаснаго преобладанія. Пять главныхъ князей (Токугава Іеясу, Маеда Тосііе, Мори Терумото, Укида Хидеіе и Уесунги Кангекацу) составили верховный совѣтъ, имѣвшій вѣдать самыя важныя государственныя дѣла; пять важныхъ сановниковъ назначены для завѣдыванія текущими дѣлами; въ случаѣ недоразумѣній и несогласій между этими двумя инстанціями, должны были посредствовать между ними особо для того назначенные три совѣтника (сіуроу); войско реформировано на семь дивизій и получило начальниковъ, на вѣрность которыхъ Хидеэси твердо надѣялся; воспитателями и наставниками наследника назначены особенно преданные вельможи. Всѣ обязаны были клятвою въ неупустительномъ исполненіи предначертаній Хидеэси, пока его сынъ не будетъ въ состояніи взять въ свои руки кормило правленія. Но, увы, все это не спасло его династіи, какъ онъ самъ когда-то не спасъ династіи Нобунага.

Однажды, еще при жизни Хидеэси, когда у него по какому-то случаю собрались всѣ князья, онъ вышелъ къ нимъ съ маленькимъ Хидеэри на рукахъ.

— Ну чтѣ? Кого боишься? Кто страшнѣй всѣхъ? спросилъ онъ шутя у малютки, таращившаго глазенки на незнакомыя лица. Хидеэри указалъ на Мори Терумото, страшнаго видомъ.

— Нѣтъ! Этотъ-то чтѣ! Ты вонъ кого бойся, вотъ того черненькаго, съ небольшою головою, сказалъ смѣясь отецъ, указывая на Іеясу, сидѣвшаго первымъ въ ряду князей.

Шутка была пророчествомъ. Дѣйствительно, для Хидеэри всѣхъ опаснѣй и страшнѣй оказался Іеясу. Не успѣло остыть тѣло Хидеэси, какъ между правительственными лицами родились поводы ко взаимнымъ неудовольствіямъ и завязались интриги: у всѣхъ всплыли на верхъ личныя симпатіи и антипатіи и своекорыстные замыслы. Іеясу стоялъ высоко надъ всею этою толпою, и потому за нимъ слѣдили съ особенною ревностію, въ намѣреніи предупредить всякія попытки къ самовластію съ его стороны. Но онъ, какъ будто не замѣчая этого, и не думалъ стѣсняться, а дѣлалъ то чтѣ хотѣлъ. Первые самовластные дѣйствія его касались вещей не особенно важныхъ, въ родѣ заключенія брачныхъ союзовъ, вызова или отсылки домой того или другаго князя; но такъ какъ, по завѣщанію Хидеэси, и это не могло произво-

даться иначе какъ съ общаго совѣта, то уже всякій могъ видѣть что Іеясу ставить себя выше своихъ товарищей. Противъ него поднялся крикъ неудовольствія соправителей, а одинъ изъ нихъ, Уесунги, прямо укорилъ его по пунктамъ въ десяти преступленіяхъ противъ данной имъ клятвы на вѣрность Хидеёри. Тогда Іеясу собралъ войско и пошелъ наказывать дерзкаго князя, какъ своего оскорбителя. Но лишь только онъ оставилъ столицу, какъ здѣсь образовалась страшная коалиція противъ него, подъ предводительствомъ неугомоннаго интригана и бездарнаго человѣка, Исида Мицунари. Положеніе Іеясу было очень затруднительно: онъ попалъ между двухъ огней. Но его спасало то что еще никто не могъ укорить его открыто въ прямыхъ замыслахъ противъ верховной власти. Хидеёри стоялъ въ сторонѣ; тутъ было дѣло удѣльнаго князя Іеясу съ его личными врагами, и потому многіе князья охотно приняли его сторону. Онъ оставилъ противъ Уесунги своего сына, приобрѣтя ему надежнаго союзника въ предкѣ теперешняго Сендайскаго князя, Даде Масамуне, съ которымъ заключилъ секретный договоръ, * а

* За помощь противъ Уесунги, Іеясу обещалъ Масамуне лезъ въ милліонъ коку (въ коку больше семи пудовъ рису), когда самъ овладѣетъ Японіей. Изъ этого видно что у Іеясу въ то время уже было опредѣленное намѣреніе устранить Хидеёри и овладѣть верховною властію. Но это намѣреніе онъ могъ открывать только такимъ людямъ какъ Масамуне. Послѣдній былъ тоже одною изъ замѣчательнѣйшихъ личностей этой эпохи. Съ юныхъ лѣтъ онъ безъ устали воевалъ со своими сосѣдами; его мечты далеко не замослаисъ; онъ не заявлялъ претензій на сёогунскій престолъ; онъ лишь хотѣлъ добыть себѣ такой огромный лезъ какой только можно, и отдаленность поприща его дѣйствій отъ центральной власти какъ нельзя болѣе способствовала ему. Уже Хидеёси овладѣлъ почти всею Японіей и требовалъ, между прочимъ, и Масамуне явиться съ покорностію, но этотъ не обращалъ вниманія на призывъ до послѣдней крайности: онъ не то чтобы хотѣлъ противиться, а ему некогда было, — у него были свои счеты съ сосѣдами, которыхъ онъ немилосердно обвинявалъ. Впрочемъ, онъ всегда умѣлъ во-время явиться съ повинной головой, при чемъ, обыкновенно, давалъ обязательство не обижать сосѣдей; но никогда не думалъ, безъ особенной крайности, исполнять это обязательство; въ случаѣ же обвиненій, умѣлъ удивительно ловко вывернуться изъ бѣды. Такъ, однажды онъ былъ обвиненъ предъ Хидеёси въ нарушеніи спокойствія сосѣдей; безъ явныхъ уликъ обвиненіе, конечно, ничего не значило бы; къ несчастію, Хидеёси

самъ обратился противъ союзниковъ. На пути къ Оосака, мѣстопробыванію Хидеёри и сборному пункту союзниковъ, къ нему одинъ за другимъ присоединялись князья, или лично расположенные къ нему, или находившіе для себя болѣе безопаснымъ стоять заодно съ нимъ. Союзники сочли для себя болѣе удобнымъ встрѣтить Іеясу въ открытомъ полѣ чѣмъ въ стѣнахъ Оосакской крѣпости, и потому выступили къ нему навстрѣчу. При Секигахара обѣ арміи сошлись. Союзники значительно превосходили Іеясу числомъ войскъ, въ опытныхъ и искусныхъ генералахъ у нихъ также не было недостатка. Но звѣзда Іеясу горѣла ярко: онъ одержалъ полную и рѣшительную побѣду. Эта побѣда, уничтожившая личныхъ враговъ Іеясу, въ то же время была и рѣшительнымъ ударомъ нанесеннымъ династіи Тоётоми. Нѣкоторые даже изъ сторонниковъ Іеясу и многіе князья, не принявшіе участія въ борьбѣ, считавшіе ее частною враждою между Іеясу и его личными врагами, и не имѣвшіе намѣренія измѣнять Хидеёри, спохватились теперь, но поздно, и потому должны были, для личной безопасности, припрятать подалеже свои

вдругъ неожиданно показываетъ запирающемуся Масамуне его собственное письмо, которымъ онъ подбивалъ другаго князя соединиться съ нимъ противъ одного изъ сосѣдей; письмо было скрѣплено имѣнною печатью виновнаго. Пристально разсматриваетъ удивленный Масамуне письмо своимъ единственнымъ глазомъ, видитъ, точно его печать.

— Удивительно ловко поддѣлано, замѣчаетъ онъ съ неподражаемою невнимательною.

— Какъ? Будто печать не подлинная?

— Въ этомъ-то не можетъ быть сомнѣнія; только изумительно какъ хорошо нынче поддѣлываютъ печати; вотъ тутъ лишь одна черточка не такъ.

Потребовалъ Хидеёси для сличенія его печать, и точно, черточка почему-то оказалась непохожею. Въ другой разъ, когда не было уже никакой надежды на пощаду, Масамуне явился къ Хидеёси съ раззолоченнымъ столбомъ, на которомъ распинаютъ и умерщвляютъ самыхъ важныхъ преступниковъ. Кто же станетъ казнить такого покорнаго? Изъ подобныхъ фактовъ видно, между прочимъ, что Масамуне не могъ имѣть особенной симпатіи къ династіи Хидеёси, постоянно стѣснявшаго его. Но въ то же время онъ не имѣлъ и особенныхъ причинъ ратовать за Іеясу и очень холодно принялъ его посланца, приславшаго съ предложеніемъ союза. Уже когда посланецъ объявлялъ что есть особое секретное условіе, и когда

чувства. Иеясу, вслѣдъ за побѣдой, сбросилъ съ себя маску и сталъ перетасовывать князей по-своему. Всѣ сторонники его, дѣятельно помогавшіе ему, награждены или прибавкой леновъ, или чинами и почестями; всѣ противники, кто не успѣлъ вымолить пощады, лишены владѣній; даже тѣ князья которые, имѣя на мѣстѣ готовое войско, не присоединились къ врагамъ его, но въ то же время не помогли и ему, понесли тяжкое наказаніе; такъ у Мори Терумото, простоявшаго все время сраженія въ нерѣшительности къ какой сторонѣ присоединиться, по окончаніи же сраженія тотчасъ принесшаго повинную Иеясу, за одну эту нерѣшительность отобрано шесть провинцій.

Не встрѣчая оппозиціи отъ примолкнувшихъ князей, Иеясу счелъ своевременнымъ облечь себя и титуломъ, который бы узаконялъ его самовластіе. Онъ не побрезговалъ титуломъ сёогуна, которымъ такъ пренебрегали Нобунага и Хидеёси. Такимъ образомъ династія Тоётоми и de facto, и de jure была устранена отъ верховной власти; Хидеёри обратился въ простаго удѣльнаго князя, съ довольно значительнымъ, но и не особенно богатымъ леномъ (въ 600.000 коку). Впрочемъ и послѣ этого Иеясу продолжалъ ласкать Хидеёри и оказывать ему знаки особеннаго вниманія; такъ, въ томъ же году въ которомъ самъ принялъ титулъ сёогуна, онъ выдалъ за Хидеёри свою внучку. Но увы! это похоже было на украшеніе жертвы обреченной на закланіе. Сынъ Хидеёси, законный наслѣдникъ верховной власти, не побѣжденный въ войнѣ, не лишенный своихъ правъ за какую-нибудь вину

оказалось что оно заключается именно въ обѣщаніи милліона коку, тогда Масамуне заинтересовался и выразилъ согласіе помочь сыну Иеясу противъ Уесунги. Иеясу далъ письменное обязательство выполнить это условіе. Но увы! по мѣрѣ успѣховъ, память Иеясу насчетъ обязательства постепенно дѣлалась слабѣе, а Масамуне почему-то не напоминалъ. Уже при внукѣ Иеясу, Іемицу, онъ рѣшился напомнить. Поморщился Іемицу при этой неожиданности: отказать—скандалъ, а исполнить почти не было средствъ. Отправился одинъ изъ сановниковъ двора къ Масамуне, попросилъ показать актъ; но лишь только актъ выпущенъ былъ изъ рукъ доврчивымъ Масамуне, какъ сановникъ, со словами: „этотъ-то? Да это не больше, какъ клочекъ старой бумаги!“ быстро разорвалъ его и бросилъ въ жаровню. Горько засмѣялся старый князь и тутъ же выбранилъ себя за опрометчивость.

предъ націей, а обойденный единственно потому что по малолѣтству не въ состояніи былъ защищать себя, могъ быть, въ послѣдствіи, весьма опаснымъ для Іеясу и его династіи. Что если, по возрастѣ, онъ или даже его дѣти вздумаютъ заявить свои права? И что, если у нихъ окажется хоть малая доля талантовъ ихъ предка? Пока самъ Іеясу живъ, онъ, пожалуй, въ состояніи будетъ защитить себя и свой родъ; но онъ самъ уже на краю гроба; онъ добился верховной власти исключительно своими талантами, но кто поручится что первый же его преемникъ, его сынъ Хидетада, не проиграетъ всего добытаго имъ? Какъ самъ онъ, Іеясу, не можетъ и думать о равенствѣ съ Хидеёси, такъ и сынъ Іеясу станетъ во мнѣніи всей Японіи гораздо ниже своего соперника Хидеёри, лишь только послѣдній вздумаетъ заявить свои права и вступить съ нимъ въ борьбу. Его невинность и оскорбленія причиненныя ему отнятіемъ у него законнаго наслѣдства громко возопіютъ къ совѣсти всѣхъ и, вмѣстѣ съ памятыю о достоинствахъ и заслугахъ его отца, котораго вся Японія признала даромъ неба, возбуждать къ нему самыя искреннія симпатіи, тогда какъ несправедливый захватъ и явное коварство Іеясу, и многія обиды нанесенныя имъ князьямъ, отвратятъ симпатіи Японіи отъ его сына. Не гораздо ли лучше отдѣлаться навсегда отъ опаснаго соперника?... Въ Осака, разумѣется, знали всѣ эти соображенія и старались вести себя такъ чтобы не подать Іеясу ни малѣйшаго повода придратъся и начать войну: умный и вѣрный воспитатель Хидеёри, Катагири Кацумото, былъ ангеломъ хранителемъ своего питомца. Но предлогами ли стѣсняться, когда дѣло идетъ о такомъ важномъ предметѣ какъ утверженіе на престолѣ своей династіи? Можно прицѣпиться къ самому незначительному обстоятельству. Въ 1614 году Хидеёри окончилъ постройкой, по обѣту, одинъ храмъ; на праздникъ освященія его предположено было просить дзенсёгуна (прежняго сёгуна, какъ въ это время назывался Іеясу, такъ какъ передалъ уже свое званіе сыну Хидетада) и сёгуна; приглашено было множество и другихъ знатныхъ гостей. Дзенсёгунъ, съ первыхъ же словъ, охотно согласился почтить своимъ присутствіемъ праздникъ и уже отпустилъ обратно Кацумото, присланнаго просить его. Но вдругъ ему почему-то захотѣлось взглянуть на надпись которая была вылита на

замѣчательно большомъ колоколѣ новаго храма. Прочитавъ надпись, Іеясу пришелъ въ сильный гнѣвъ: тамъ были употреблены два знака, которыми пишется имя Іе-ясу. „Что это, Хидеёри вздумалъ проклинать меня?“ молвилъ онъ. Тщательно Кацумото, вернувшись съ дороги, представлялъ ему что Хидеёри и понятія не имѣлъ объ этой надписи, что она писана какимъ-то бонзой. Іеясу ничего знать не хотѣлъ и требовалъ чтобы колоколъ передали; всѣ приготовления къ празднику обратились ни во что. Тутъ ужъ было не до праздника. Изъ Оосака отправлено новое посольство увѣрить Іеясу въ невинности Хидеёри, но онъ и слушать не хотѣлъ. Между тѣмъ въ то же время, искусною интригой, въ Оосака возбуждено было подозрѣніе въ предательствѣ Кацумото. Іеясу зналъ что, съ устраненіемъ его, дѣло успѣшнѣе пойдетъ къ развязкѣ. Дѣйствительно, мать Хидеёри, властолюбивая и своенравная Іодогими, уже не сдерживаемая мудрыми совѣтами Кацумото, рѣшилась лучше умереть чѣмъ долѣе выносить свое унижительное положеніе. Хидеёри, хотя ему въ это время было уже 20 лѣтъ, во всемъ безпрекословно слушался матери; фавориты Іодогими, по неразумію и изъ угодливости ей, поддержали вспышку ея гордости, и приготовления къ войнѣ закипѣли. Многіе князья сочли своимъ долгомъ вступить за Хидеёри и привели свои войска на защиту Оосака. Но не замедлилъ явиться сюда и Іеясу, во главѣ еще большаго числа князей и огромнѣйшей арміи. Оосакская крѣпость, построенная Хидеёси, была въ то время лучшею крѣпостію въ имперіи. Планъ осады ея, сохранившійся доселѣ, достаточенъ былъ бы, еслибы не существовало другихъ доказательствъ, убѣдить всякаго въ необыкновенныхъ полководческихъ талантахъ Іеясу; но и осажденные не имѣли недостатка ни въ мужествѣ, ни въ искусствѣ, и часто Іеясу, для воодушевленія своего войска, готовога упасть духомъ отъ безплодныхъ усилій, долженъ былъ самъ являться среди свиста непріятельскихъ пуль. Наконецъ, осажденные принуждены были сдаться; но они могли еще выговорить въ условіяхъ, кромѣ своей личной неприкосновенности, то, чтобы внутренняя крѣпость осталась нетронутою, тогда какъ наружныя укрѣпленія отдавались на разрушеніе. Іеясу, разчитавъ уже послѣдній ударъ Хидеёри, счелъ за лучшее, впрочемъ, не стѣсняться условіями, и отдалъ тайный приказъ разрушить все. Когда его солдаты

принялись засыпать внутренніе рвы, испуганные противники бросились искать суда на нарушеніе условія: но сѣогуз отсылалъ ихъ къ дзенсѣогуну, тотъ къ такому-то начальнику, подъ предлогомъ что это по его части, тотъ еще къ другому, другой отзывался больнымъ и посылалъ къ пятому, а между тѣмъ усиленная работа шла, и прекраснѣйшая изъ крѣпостей была разрушена прежде чѣмъ успѣли найти кто отдалъ ошибочный приказъ. Разчетъ Іеясу былъ вѣренъ. Едва онъ успѣлъ вернуться съ войскомъ домой, какъ въ Оосака затѣялось новое возстаніе. Ближайшая причина его, на этотъ разъ, состояла въ недостаткѣ продовольствія для тѣхъ сбродныхъ войскъ которыя со всѣхъ сторонъ стеклись въ Оосака для защиты Хидеѣри, и которыми Іеясу не мѣшало и по окончаніи войны остаться тамъ. Когда почувствовался этотъ недостатокъ, изъ Оосака обратились къ Іеясу за пособіемъ, но онъ, естественно, имѣлъ полное право не обратить вниманія на это требованіе. Тогда оосакскій сбродъ вновь предпринялъ домогаться восстановленія правъ Хидеѣри. Иодогими и самъ онъ, какъ будто неизбѣжнымъ рокомъ влекомые на гибель, непрекословно поддались недостойнымъ софѣтникамъ. И между князьями нашлись люди, рѣшившіеся съ видимою опасностію для себя, защищать сына своего прежняго повелителя. На скорую руку возобновлены были, по возможности, укрѣпленія, и вновь Іеясу стоялъ предъ ними, но уже грозный и неумолимый. Осажденные дрались на жизнь и смерть, зная что теперь не будетъ пощады; но уже не тѣ были твердыни скрывавшія ихъ. Хидеѣри самъ, наконецъ, вышелъ въ битву съ остатками своей дружины, но тотчасъ же долженъ былъ вернуться въ крѣпость, преслѣдуемый по пятамъ непріателемъ; онъ затворился съ матерью и приближенными въ кладовой, отправивъ жену умолять Іеясу о мирѣ и напередъ соглашаясь на какія угодно условія. Іеясу съ гнѣвомъ принялъ свою внучку и не далъ ей отвѣта; впрочемъ, велѣлъ военнопочинамъ пощадить жизнь Хидеѣри; но они, какъ видно по недостатку дисциплины, оставшемуся, впрочемъ, почему-то безъ дурныхъ для нихъ послѣдствій, выстрѣлами изъ ружей въ дверь кладовой дали знать Хидеѣри что для него все кончено.

— Таково опредѣленіе неба! рѣшилъ онъ, и зарѣзался.

Иодогими, обхвативъ его голову, долго рыдала и, въ заключеніе, попросила одного изъ присутствовавшихъ убить ее.

Больше двадцати человекъ генераловъ и придворныхъ Хидеёри послѣдовали примѣру своего господина, а десять фрейлинь Иодогими сдѣлали ту же честь своей госпожѣ. Князья, помогавшіе Хидеёри, лишены владѣній; главные зачинщики возстанія казнены; Осацкая крѣпость сдѣлана личнымъ владѣніемъ сёогуна; ленъ Хидеёри розданъ защитникамъ сёогуна. Такимъ образомъ династія Тоётоми, со всеми своими сторонниками, исчезла съ лица Японіи.

Теперь князья стояли предъ Іеясу безгласные и покорные, безъ тѣни строптивыхъ замысловъ. Іеясу могъ теперь предписать имъ какіе угодно законы, и онъ не упустилъ случая сдѣлать это. Вотъ знаменитыя 13 правилъ, которыми въ общихъ чертахъ опредѣлены обязанности князей. Князья должны:

1. Заботиться о процвѣтаніи въ ихъ владѣніяхъ наукъ и военнаго искусства;
2. Не дозволять распущенности нравовъ и кутежей;
3. Не оставлять безъ наказанія нарушителей законовъ;]
4. Доносить о зачинщикахъ мятежей и убійцахъ;
5. Не переселять своего народа съ мѣста на мѣсто;
6. Не строить крѣпостей, безъ разрѣшенія сёогуна;
7. Доносить объ измышляющихъ какое-нибудь новое ученіе и составляющихъ общества;
8. Не заключать самопроизвольно, безъ сёогунскаго разрѣшенія, брачныхъ союзовъ;
9. Соблюдать предписанія этикета;
10. Не носить запрещеннаго платья;
11. Кому по чину не дозволено, не употреблять паланкиновъ;
12. Не быть расточительными;
13. На должности въ своихъ владѣніяхъ избирать людей достойныхъ. *

* Нихонгавайси, 22 кн. 31 л. Намъ случалось встрѣчать у новѣйшихъ европейскихъ писателей объ Японіи указаніе, будто Іеясу вошелъ лишь въ союзъ съ князьями, въ которомъ онъ былъ почти совершенно равенъ имъ, такъ что Японія представляла въ то время что-то въ родѣ конфедераціи почти независимыхъ одно отъ другаго княжествъ; въ доказательство этой конфедеративности, писатели указываютъ именно на приведенныя 13 правилъ, называя ихъ договоромъ Іеясу съ князьями, но не приводятъ самихъ правилъ, заключающихся въ недоступныхъ японскихъ книгахъ. Пусть судятъ

При этомъ опредѣленіи обязанностей князей, разумѣется, были приняты самыя дѣйствительныя мѣры къ тому чтобы эти обязанности въ точности исполнялись, и вообще чтобы князья соблюдали самую строгую подчиненность сѳогуна. Мѣры эти состояли въ слѣдующемъ: 1) у князей, по возможности, обрѣзаны лены, такъ что особенно большихъ и сильныхъ вассаловъ, всегда опасныхъ для центральной власти, не стало; 2) лены всѣхъ прежнихъ князей (названныхъ *тосама*—внѣшній, то-есть не принадлежащій къ дому Токугава) окружены ленами новыхъ (фудай—домашній), возведенныхъ въ княжеское достоинство изъ потомственныхъ слугъ Іеясу, ознаменовавшихъ себя заслугами и преданностію его дому; 3) всѣмъ князьямъ вмѣнено въ непремѣнный долгъ всегда содержать въ сѳогунской столицѣ заложника, которымъ должно было быть лицо дорогое для князя, то-есть сынъ его, или другой ближайшій родственникъ. Впрочемъ, Іеясу продолжалъ еще оказывать князьямъ-тосама нѣкоторые знаки особеннаго вниманія; при пріѣздѣ ихъ въ столицу, напримеръ, онъ выѣзжалъ за городъ на встрѣчу имъ; при дворѣ всегда отличалъ ихъ отъ фудаевъ: это была позолота пилюли, очень горькой.

Устанавливая свои отношенія къ князьямъ, Іеясу въ то же время преобразовалъ государственное управленіе, ставъ весьма искусно всѣ нити административной сѣти въ одну руку сѳогуна. Онъ умеръ 75 лѣтъ (въ 1616 г.), счастливый тѣмъ что успѣлъ самъ окончить государственное устройство такъ какъ желалъ. Его сынъ, Хидетада, долгое время бывший дѣятельнымъ участникомъ во всѣхъ его военныхъ и административныхъ предпріятіяхъ и давно уже носившій титулъ сѳогуна, какъ нельзя лучше понималъ планы отца и, по смерти его, ни въ чемъ не отступалъ отъ нихъ. Сынъ Хидетада, Іемицу, выросъ также на глазахъ Іеясу и особенно радовалъ его богатыми умственными способностями и героическимъ духомъ. Въ осаду Оосака, еще ребенкомъ, онъ уже рвался въ сраженіе и плакалъ что дѣдъ не пускаетъ его.

— Вамъ всего четырнадцать лѣтъ, еще будетъ время отличиться, замѣтилъ ему одинъ изъ приближенныхъ Іеясу.

читатели, похожи ли эти правила на договоръ между двумя свободными сторонами.

— Но четырнадцать лѣтъ развѣ мнѣ будетъ опять? обидчиво возразилъ Іемицу, не переставая плакать.

— Это одно твое слово лучше всякаго военнаго отличія, замѣтилъ ему съ улыбкой дѣдъ, довольный какъ нельзя болѣе и порывомъ храбрости, и находчивостію своего внука-ребенка.

Заступивъ мѣсто отца, Іемицу вполнѣ выказалъ и свой геройскій духъ, и свой умъ, и довершилъ подчиненіе тосама сёогуну, отнявъ у нихъ и послѣднія ничтожныя привилегіи и знаки превосходства предъ фудаями. При самомъ вступленіи на престолъ, онъ созвалъ всѣхъ тосама и произнесъ имъ слѣдующую рѣчь: „Мой дѣдъ былъ такой же князь какъ вы, но вашею помощію подчинилъ себѣ государство; поэтому онъ обращался съ вами почтительно и отнюдь не смѣшивалъ васъ съ фудаями. Что же касается меня, то я съ самыхъ пеленокъ повелитель имперіи, и этимъ отличаюсь отъ моего дѣда. Теперь я вступилъ на престолъ, но права мои по отношенію къ разнымъ лицамъ неодинаковы: это не хорошо. Отнынѣ я уравниваю васъ во всемъ съ фудаями. Кому это не нравится, тотъ пусть отправится въ свое княжество. Даю три года сроку: пусть каждый зрѣло обдумаетъ и рѣшитъ, подчиниться мнѣ, или не подчиниться.“ Князья тутъ же единогласно отвѣчали увѣреніемъ въ самомъ безусловномъ подчиненіи, послѣ чего Іемицу, чтобъ еще болѣе произвести на нихъ впечатлѣніе, удалился изъ тронной залы въ одинъ изъ внутреннихъ покоевъ, одѣлся по-домашнему, потребовалъ связку сабель, и вызывая князей одного за другимъ, подарилъ имъ изъ собственныхъ рукъ по саблѣ, причемъ совѣтовалъ каждому вынуть клинокъ изъ ноженъ и испытать его качество. Князья должны были оцѣнить отвагу сёогуна, только что оскорбившаго ихъ и тутъ же оставшагося съ глазу на глазъ съ каждымъ изъ нихъ, давая обнаженную саблю въ руки. При Іемицу же окончательно установился обычай, обратившійся скоро въ обязательство для князей, постоянно пребывать въ Едо. Началомъ этого обычая послужило указанное выше обязательство князей давать сёогуну заложника. Еще при жизни Іеясу одинъ князь, въ угоду ему, предложилъ представить въ Едо, въ залогъ своей вѣрности, все свое семейство. Когда же Іеясу выразилъ ему за это свое величайшее удовольствіе и одобреніе, тогда за этимъ княземъ потянулись и другіе, за семей-

ствами стали и сами селиться въ Едо. Кончилось тѣмъ что Иемицу велѣлъ всемъ князьямъ безъ исключенія навсегда поселиться въ Едо, и это было приведено въ исполненіе въ такомъ буквальномъ смыслѣ что даже въ свой загородный домъ, за чертою Едо, князь уже не смѣлъ выѣхать безъ разрѣшенія сѣюгуна. Каждые два-три года князю позволялось на нѣсколько мѣсяцевъ отлучиться въ свои владѣнія, но безъ семейства, которое безвыѣздно жило въ Едо; отпуски князей распредѣляемы были такъ что два сосѣдніе по своимъ владѣніямъ князя никогда не отправлялись домой разомъ.

Послѣ Иемицу только одинъ сѣюгунъ, Иосимуве, царствовавшій съ 1716 по 1745 годъ, подражалъ доблестямъ своихъ славныхъ родоначальниковъ. Всѣ прочіе сѣюгуны династіи Токугава были не лучше Асикага. Но удѣльные князья, скученные въ Едо и опутанные многосложными обязательствами, никогда не выходили и не могли выйти изъ предѣловъ самаго строгаго повиновенія имъ. Распущеніе князей изъ Едо, случившееся семь лѣтъ тому назадъ, было началомъ революціи, приведшей въ прошломъ году къ паденію династіи Токугава и къ виспроверженію сѣюгунскаго престола. Но ходъ этой революціи долженъ быть предметомъ особой статьи.

Іеромонахъ НИКОЛАЙ.